

18 Александр Саблин

ЗАПОМНИТЕ НАС ТАКИМИ

Александр Саблин

Запомните нас такими

«Издательские решения»

Саблин А.

Запомните нас такими / А. Саблин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510294-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Если вы хотите прокатиться с ветерком, то выбираете горку покруче, а если с риском, то и покруче и поухабистее. В книгу «Запомните нас такими» вошли сборник рассказов «Смерть разрешения не спрашивает» и повесть «Белый танец с криминальным оттенком», в которых хватает и риска и ветерка. Во всяком случае, убийств, разгадок и любви в них ничуть не меньше, чем в одном хорошем боевике. Да это и понятно: начало и конец «девяностых» — время не только лихих перемен, но и лихих детективных историй.

ISBN 978-5-00-510294-2

© Саблин А.

© Издательские решения

Содержание

Смерть разрешения не спрашивает	6
НЕСЧАСТЬЕ ЗНАЕТ	6
Веди себя правильно	10
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	15
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	17
ГЛАВА ПЯТАЯ	19
ГЛАВА ШЕСТАЯ	22
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	24
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	27
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	28
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	31
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	34
Портачи	36
Мы так не договаривались	42
Слушай себя, раз	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Запомните нас такими

Александр Саблин

Дизайнер обложки Александр Грохотов
Корректор Екатерина Василенко

© Александр Саблин, 2020

© Александр Грохотов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-0294-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смерть разрешения не спрашивает

НЕСЧАСТЬЕ ЗНАЕТ

Всё вышло гораздо хуже, чем он думал: вечером к нему приехал Фрэд. Кожаное пальто, кожаное кепи, лицо строгое, бесстрастное, щёки до синевы выбриты, в левой руке дипломат, в правой – зонтик, то ли от волос, то ли от одежды стойкий запах парфюма. Бутылка коньяку, которую Коробов тщетно пытался прикончить после обеда, одинокая, как памятник в степи, всё ещё стояла посреди стола. Работа для совладельца строительной компании, а по совместительству и её главы, надо сказать, не самая первоочередная.

Закрыв за собой входную дверь, Фрэд шумно втянул воздух и брезгливо поморщился:

– Кажется, я начинаю понимать, почему у тебя почти не бывает дам. Ты бы хоть иногда проветривал, – он упёрся концом зонтика в пол, и назидательно добавил: – Женщины могут смириться со многим, но только не с вонью.

– Даже если она исходит от денег? – сипло поинтересовался Коробов.

– Брось ты, – сказал Фрэд, – когда ими от тебя пахло?

Тут он был прав: денег, которыми можно было бы швыряться, у Коробова уже давно не водилось. Горячо любимая жена плюс обожаемый тесть опустошали его карманы так же быстро, как два промышленных пылесоса – пыль из недорогого паласа. Вчера такое открытие могло бы послужить Коробову только хорошим поводом для спурта – сегодня лишь напомнило о пороке.

Сунув в рот сигарету, Коробов достал из холодильника два запечённых с овощами куска свинины и поставил в микроволновую печь. С пивом и «огненной водой» от пищи неверных мог отказаться разве что аллах. Впрочем, никаких особенных причин волноваться по этому поводу у того не было: ни сегодня, ни завтра никто приглашать его в этот дом не собирался.

С минуту освещённый двумя матовыми бра Фрэд молча наблюдал за хлопотами компаньона, затем разделся и, подойдя к зеркалу, тщательно расчесал короткую, ни одного седого волоска, шевелюру. В новом сером костюме, голубой рубашке и красном галстуке он выглядел лет на десять моложе своих пятидесяти. Закончив прихорашиваться, он отошёл от зеркала и, пряча в карман расчёску, поинтересовался:

– Ну, и чем завершились генеральные переговоры?

Коробов устроился на стуле и жёлчно усмехнулся:

– Когда одна половина команды пытается залатать пробоину, а другая рассаживается по спасательным шлюпкам, то обычно всё заканчивается кораблекрушением.

Фрэд облокотился на стойку и, щёлкнув зажигалкой, прикурил коричневую с золотым ободком сигарету. Над его головой, словно опознавательный знак грядущих перемен, свисал жёлтый надувной шарик с кроваво-красным «Ай лав ю!».

– Предлагаешь сгинуть нам вместе? – спросил он.

– В одиночку компании не вытащить.

– Кажется, на этот раз мальчишки окончательно загнали тебя в угол, – беззлобно прокомментировал Фрэд.

Коробов принуждённо улыбнулся:

– Скорее, выгнали.

– И поэтому ты решил надраться?

– Хотел убедиться, насколько всё действительно серьёзно.

– Ну и как, убедился?

Коробов подошёл к бару и, выбрав две коньячные рюмки, а из спиртного свой стратегический запас – бутылку настоящего «Наполеона», сел за стол:

– Эти сукины дети пытаются поиметь с нас ещё четыре лимона.

Взгляд Фрэда скользнул по паркету, потом по стене и снова остановился на Коробове:

– И тебя это всё ещё удивляет?

Коробов поморщился:

– Теперь уже нет. Я решил сократить их «бюджет» вдвое.

Губы Фрэда презрительно скривились:

– Гениально.

– Я хочу, чтобы ты съездил к Михайлову, – продолжил Коробов. – Если он упрётся, они ничего не смогут с нами сделать.

– Смешно, – с горечью произнёс Фрэд. – Подобным образом ты мог бы поступить год назад, два года. Единственное, что ты можешь сделать сейчас, – продолжать исправно выплачивать им их грёбаные проценты. При одном, конечно, условии: если они согласятся их принимать.

Коробов откинулся на спинку стула:

– В таком случае они вообще рискуют потерять эту фирму.

– Ну да, – сказал Фрэд, – а заодно и всё к тебе расположение! И, как я понимаю, теперь уже окончательно!

Губы Коробова растянулись в злой усмешке.

– Пусть они им подавятся!

Фрэд переступил с ноги на ногу и раздражённо дёрнул подбородком.

– Думаю, что они сделают это не без удовольствия, – заметил он. – Во всяком случае, если их слёзы и прольются, то совсем по другому поводу.

Коробов фыркнул:

– Слышать ничего больше о них не желаю!

Когда мужчина начинает реагировать на опасность подобным образом, он либо уже перестал им быть, либо вот-вот перестанет.

Разглядывая на руке ногти, Фрэд медленно произнёс:

– Вчера звонила Виктория. С сегодняшнего дня твой тесть в отставке.

В обороне Коробова тесть являлся главным звеном. После того как полгода назад он лишился его поддержки, дела пошли наперекосяк: возражать начали даже те, кто раньше и рта боялись раскрыть. Коробов зябко поёжился. Почувствовать себя в одночасье человеком с улицы – ощущение не из приятных.

– В понедельник мне пообещали в банке кредит, – хмуро сообщил он Фреду. – Сто десять лимонов, на шесть месяцев, под семнадцать годовых. Я подсчитал: таких денег нам вполне хватит, чтобы выкрутиться.

– А что ты отдашь им в качестве гарантий, – глухо поинтересовался Фрэд, – загородный дом горячо любимого тестя?

– Нашу с тобой недвижимость.

Фрэд вскинул потемневшие глаза:

– Меня такой кредит не устраивает.

– До сих пор тебя устраивали любые деньги.

– До сих пор остаться без штанов мне ещё никто не предлагал.

Коробов с усилием улыбнулся:

– Через полгода мы с тобой снова будем на коне.

Фрэд мрачно вздохнул:

– Без тестя мы с тобой через полгода будем на паперти, – он поморщился. – Да что тут говорить, я даже обсуждать эту тему не хочу!

За семнадцать лет он в первый раз отказался ему помочь.

– Значит, пока наши дела шли хорошо, – с трудом подбирая слова, произнёс Коробов, – мы были вместе. А стоило лошадке споткнуться – и ты её тут же меняешь?

Фрэд осуждающе помотал головой:

– Не надо так. Во-первых, у меня тоже есть голос, а во-вторых, речь идёт о деле. Мы ведь с тобой не в крестики нолики играем.

– А как же дружба?

Фрэд поставил на стойку пустую рюмку:

– Когда дружба вмешивается в бизнес, то, как правило, кончается и то и другое.

– Похоже, что в нашем случае дружба кончилась первой, – сказал Коробов. – Рассчитываешь, что они по-прежнему дадут тебе заниматься строительством?

Фрэд утвердительно кивнул:

– Если ты уйдёшь.

Коробов напрягся:

– Ты это о чём?

– Со следующего месяца компания должна полностью поменять собственника.

На какое-то время Коробов замер. Верить в то, что он услышал, ему не хотелось. Наконец, он спросил:

– Ты что, согласился работать на их условиях? – Фрэд отвёл взгляд в сторону. Коробов хлопнул себя ладонью по лбу и хрипло рассмеялся: – Значит, они всё-таки тебя уболтали!

Фрэд нервно потёр виски:

– Ты сам виноват. В своё время у тебя имелась хорошая возможность поставить их на место. Или запамятовал? Честная конкуренция! Честной она бывает только тогда, когда всех штампуют на одном станке! А теперь у нас с тобой лишь две возможности: либо потерять всё, но обоим, либо сохранить половину, но одному!

– И ты решил, что лучше всего на роль хранителя подходишь ты?

– Деньги должны оставаться у того, кто знает, как их приумножить.

Коробов угрожающе сдвинул брови:

– А если я всё своё движимое и недвижимое передам жене и тестю?

– И на тестя, и на тебя им теперь наплевать.

Коробов схватил со стола бутылку и, зажмурившись, хлебнул из горлышка. Легче не стало:

– Я никому ничего не отдам!

Фрэд скептически поджал губы:

– Думаю, у нас тебе вряд ли удастся осуществить такое. Они всё равно своего добьются.

– Они, говоришь?! – Коробов мученически скривился. – Да без твоего участия на такую авантюру никто из них никогда бы не решился!

Не отвечая на обвинение, Фрэд аккуратно затушил сигарету:

– Мне им передать, что ты отказываешься?

Глядя приятелю в глаза, Коробов процедил:

– Передай, что я подумую.

– К тебе заехать, или сам перезвонишь?

Коробов усмехнулся:

– Сам.

Дальше говорить было не о чём. Коробов проводил взглядом плотную фигуру Фрэда и приложился к бутылке. Пожалуй, впервые за последнее время он не чувствовал к себе ни любви, ни жалости – ничего. Фрэд был прав: к тому, к чему он пришёл, он дотопал сам. Он услышал, как хлопнула за бывшим другом входная дверь, и зябко поёжился. Оказывается, вся жизненная мудрость заключается не в том, чтобы с собой не разминуться, а в том, чтобы этого

не замечать. Всю жизнь он целовал себя в разные точки, и каждый раз этой точкой оказывалась задница. С задницы начал – и задницей закончил. Как показала практика, ни одна человеческая часть не сгубила столько душ, сколько эта.

С минуту он сидел не шевелясь, потом взял со стола бутылку и нетвёрдой походкой направился к ванной. Поставив бутылку на раковину, нашёл в шкафчике опасную бритву, включил воду и стал медленно раздеваться.

Веди себя правильно

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Телефон зазвонил в три часа ночи. Подняв трубку, я с трудом подавил зевок:

– Слушаю, Екимов.

– Это я, Витюша.

Придерживая рукой подушку, я оперся затылком на спинку кровати.

– Рад тебя слышать, – сказал я. – Что-то случилось?

– Они его убили, – всхлипнула Элла.

Я нащупал выключатель и зажёл бра.

– Ты это про кого? – осторожно осведомился я. Из телефонной трубки не доносилось ни звука. – Ты меня слышишь?!

– Толю.

– Когда?!

– Вчера. Вечером.

– В офисе?

– Дома, после работы.

– Милиция в курсе?

– Да. Я их сама вызвала.

– Кого-нибудь задержали?

– Пока нет.

– И что говорят?

– Предполагают, ограбление.

– А на самом деле?

– Сейф вскрыт, поэтому не исключено, что так оно и было.

Не отнимая от уха трубки, я сел на кровати:

– Круг подозреваемых уже озвучили?

– Предполагают, что кто-то из местных.

Откинув одеяло, я встал и подошёл к окну. Город по-прежнему заливало дождём.

– Слушай внимательно, – сказал я, – больше мне не звони. Встретимся у Леонида. Соберись. Выясни об этом деле всё, что сможешь. Дочку постарайся отправить к родителям. О том, что приеду, пока никому ни слова. Одна не оставайся. О похоронах я позабочусь. Ты меня хорошо поняла? Когда пойдёшь к Лёне, будь повнимательнее. У меня всё. До встречи.

Я положил трубку. Вот оно как, значит. Ну-ну. Я застелил кровать, принял душ и побрился. Голова была ясная. Ничего не скажешь, хорошие ребятки. С каждым глотком кофе они набирали у меня очки. Сознание автоматически прикидывало варианты. Я допил кофе и минут пять посидел за столом. Собственно, думать особенно было не о чем. Одни предположения. Главное было пока не суетиться.

Я уложил в дорожную сумку всё, что могло понадобиться для жизни в автономном режиме, а паспорт, кредитки и восемьдесят тысяч наличными рассовал по карманам. Достал из сейфа пистолет, две запасных обоймы и, прежде чем сунуть в кобуру, протёр бумажными салфетками.

С сумкой на плече я постоял в прихожей. Я не знал, когда удастся вернуться. Стоило бы черкнуть записку Марии, но я так и не смог заставить себя взяться за ручку. Последнее время мы редко с ней виделись. По-видимому, всё кончилось, так и не успев начаться. В тридцать девять лет на подобные отношения можно смотреть уже философски.

Я выключил свет, закрыл квартиру и спустился в вестибюль. В почтовом ящике белела корреспонденция. Два стандартных конверта. На одном адрес отсутствовал. Я засунул конверты поглубже в карман куртки и вышел под дождь. Судя по небесам, ненастье обещало продлиться не день и не два. Я поднял капюшон и, огибая лужи, двинулся к ярко освещённым гаражам. У боксов не было ни души. Заедавший раньше замок открылся на удивление легко. Я бросил сумку на заднее сиденье и, запустив двигатель, вскрыл конверт с обратным адресом. Никитин сообщал, что филиалу фирмы колхоз выделил отличный земельный участок. Условия самые выгодные. Запросы председателя, не считая коттеджа, просто смехотворны. Договор на строительство посёлка подписан. Все затраты и обеспечение материалами берёт на себя металлургический завод. Наша задача – организовать строительство коттеджей в сжатые сроки. При тех возможностях, которыми мы теперь располагали, такой вопрос большой трудности не представлял. После того что нам пришлось пережить с восемьдесят восьмого года, подобный заказ уже не являлся чем-то удивительным. Назвать удачным его можно было в восемьдесят девятом. Теперь же, когда у нас имелся и опыт, и деньги, мы могли действовать независимо от того, что говорил закон. С самого начала мы действовали незаконно. Мы покупали работу – и это было незаконным. «Законным» считалось нам её не давать. «Законно» могли действовать только представители государства. Они и делали что хотели. Достаточно было только иметь бумажку с нужной печатью, а часто даже и её не требовалось. Когда годами живёшь вне закона, жизнь начинает зависеть только от тебя. Ты что-то себе разрешаешь, а что-то – нет. Ты живёшь по нормам для дерзких и упёртых. И те, кто в своё время не сумел или не захотел через это пройти, потом всю оставшуюся жизнь занимаются только одним: умирают от страха – утром, днём и вечером – пока однажды действительно не оказываются на погосте.

Глядя в ветровое стекло, я открыл минералку и промочил горло. Читать послание от Марии не хотелось. Я сунул письма в бардачок и, протерев очки для ночного вождения, выехал из бокса.

Отлакированный дождём проспект был пуст, словно витрины прифронтового города. Удерживая стрелку спидометра у отметки девяносто, я через пять минут упёрся в объездную дорогу. Справа, залитая светом газовых фонарей, проплыла бензозаправочная станция, а впереди возникли и стали быстро приближаться огни встречных машин. Я переключил работу стеклоочистителей на средний режим и прибавил звук магнитолы. Немного погодя в облаке брызг, мимо, качнув воздушной волной, с яростным свистом пронеслись фуры.

Все мои инструкции оказались напрасными. Когда подбираешь людей, главным образом смотришь на их деловые качества. Управляющий филиалом вовсе не обязан быть спецназовцем, и если, не дай бог, ему не повезло, то ты обязан найти виновных, чего бы это ни стоило. Потому что люди – это часть дела, а дело надо либо доводить до конца, либо не браться за него вовсе. А это возможно только при одном условии: если всё, что ему мешает, ты устраняешь самым безжалостным образом. И неважно, кто оказался на пути: ты сам, твои родственники, или тот, кого ты и в глаза не видел.

«Опель» легко одолел подъём и выскочил на участок, за которым границы города заканчивались. Прямо по курсу ярко светились огни ГАИ. Я сбавил скорость и, нащупав на пассажирском кресле пистолет, переложил в бардачок. Под дождём белый «скворечник» гаишников с застывшим на стоянке милицейским уазиком и мотоциклом с коляской казался необитаемым. Мысленно пожелав служивым приятных сновидений, я вернул оружие на сиденье и прибавил хода.

Завалить управляющего филиалом из-за разовых бабок могли лишь «гастролёры» или местные малолетние дуралеи. Для тех, кто его не знал, Толик вполне мог показаться сговорчивым: очки, мальчишеская фигура, тихий голос – типичные черты интеллигента в последнем колене, пока дело не доходило до принципов. А вот за них-то он держался с настойчивостью средневекового фанатика, и взнудать его становилось практически невозможно.

На полпути я остановился, чтобы оправиться. Луна по-прежнему пряталась в облаках. Нигде не было ни огонька. Чтобы укрыться от ветра, я встал за багажником. Со стороны леса доносился приглушённый шум поезда. Мне вдруг почудилось, что когда-то, давным-давно, всё это уже было: и ненастная ночь, и колёсный перестук, и пропитанный поздней осенью воздух. Может, будущее просто ненавязчиво пыталось меня о чём-то предупредить?

Вернувшись в машину, я попробовал набросать список из тех, кто мог бы мне в этом деле помочь. Набралось человек десять. Немного – но и немало. Если «герои» местные, то чтобы их вычислить, потребуется дня два-три. Ещё пять-шесть, чтобы грамотно их слить. А учитывая мой «богатый» сыскной опыт, будет не грех умножить всё на два. Итого: полторы, а может, и две недели.

Я не заметил, как дождь перешёл в ливень, и на повороте «Опель» занесло. По счётчику суточного пробега до Новоалександровска оставалось километров двадцать. Дождь не утихал. Я съехал на обочину и достал бутылку минеральной. Вода оказалась тёплой. Пока я пил, мимо в сопровождении ВАИ, проследовала колонна армейских грузовиков, со спец подсветкой. Достав бумажник, я на всякий случай вложил в права тысячу и, спрятав в бардачок, двинулся в сторону охваченного электрическим заревом неба.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Оформив в гостинице проживание, я занёс сумку в номер, принял душ и, позавтракав в ресторане, позвонил сначала Элле, а затем бухгалтеру ООО «Стройсервис» Леониду Галкину. Договорившись с коллегами о встрече, залил полный бак, купил по дороге пирожных и, проехав четыре квартала, припарковался у похоронной конторы Саакяна. Тяжёлый двухэтажный дом с окнами-бойницами в скором времени обещал стать таким же популярным, как и кафе «Розовое фламинго» – любимое местечко здешней молодёжи. Просмотрев перечень услуг, я обговорил с владельцем трёхдневной щетины детали похорон и, оплатив расходы, помчался на встречу с Эллой.

Посёлок, где «Стройсервис» возвёл для руководства филиала несколько коттеджей, располагался сразу за чертой города. Задолго до «Стройсервиса» дома в этом райском уголке успело построить для себя почти всё городское руководство.

Остановившись у особняка Галкина, я по сигналу. Зелёные ворота вздрогнули и бесшумно раздвинулись. На крыльцо вышел Леонид и, близоруко шурясь, приветственно помахал рукой. В синем тренировочном костюме он напомнил мне о наших студенческих годах. Я поздоровался с ним светом ближним фар и, хотя дождик кончился, загнал машину под навес. Леонид забрал у меня пакет с пирожными, а затем, не дав выбросить из пепельницы окурки, провёл в дом.

В полутёмной, похожей на небольшой сад гостиной едва слышно звучала музыка. Элла сидела в кресле, кутаясь в плед. Мы обнялись. В чёрном комбинезоне, с плотно сжатыми губами и стянутыми в узел волосами она походила на обиженного ребёнка. Казалось, что ещё чуть-чуть – и она разревётся. Я взял женщину за плечи и усадил на диван.

– Может, нам с тобой перенести разговор на завтра? – предложил я.

– Нет-нет, что ты, – быстро произнесла она.

Где-то за спиной, монотонно отсчитывая секунды, шуршали напольные часы. Леонид поставил на столик бутылку вина, рюмки, и мы молча выпили. Элла махнула свою порцию так, словно в рюмке была вода. Может, это было и неплохо. Иногда спиртное помогает взглянуть на проблему совсем с другой стороны.

– Я хочу знать о произошедшем всё, – сказал я. – Всё, что вы видели, слышали и даже то, о чём успели подумать.

Элла сидела, опустив глаза.

– Пока нам известно о произошедшем не больше того, что знают в милиции, – произнёс Леонид.

– Милиции на нас начихать, – сказал я. – А мне бы хотелось знать об этом деле немного больше.

Леонид осторожно прочистил горло:

– Анатолий хранил в домашнем сейфе не только свои деньги, но и средства фирмы.

Я бросил на него удивлённый взгляд.

– Плата за левые материалы, – пояснил Леонид.

– Много?

– Десять миллионов.

– Милиция в курсе?

– Только о том, что они исчезли.

Я с облегчением вздохнул: милиции вовсе не обязательно было знать, для чего предназначались эти деньги.

С того момента как я сел рядом с Эллой, её пальцы никак не могли успокоиться.

– А что скажешь ты? – спросил я у неё.

– Не считая моих украшений, в сейфе находилось пятнадцать миллионов, – медленно произнесла она, – из них пять в ценных бумагах.

– Кроме вас кто-нибудь мог знать, об этом?

Скептически поджав губы, Элла покачала головой:

– Разве только случайно.

– Могли предполагать, – сказал Леонид.

Я плеснул себе ещё рюмку:

– А что думает обо всём этом милиция?

– Ищет, – сказал Леонид. – Ищет тех, кто сначала его убил, а потом и ограбил.

– Милиция предполагает, что убийц было несколько?

– Двое.

– Следы, свидетели?

– Свидетелей нет. А со следами только начали разбираться.

У меня возникло ощущение, очень похожее на то, что я испытал сегодня ночью на дороге. Я встал и прошёлся по толстому зелёному ковру. Посаженную мной под окном вишню было не узнать. Из чахлого саженца она успела превратиться в раскидистое деревце. Следующей весной в саду уже будет на что посмотреть. Повернувшись, я взглянул на Эллу:

– Если я правильно понял, то первой, кто обнаружила Анатолия, была ты?

– Да, он лежал в кабинете у сейфа, – она в отчаянии замотала головой. – Ты даже не представляешь себе, что это такое.

Я представлял, и даже очень:

– Медики назвали причину смерти?

– Огнестрельные ранения сердца и головы.

– Стреляли сзади?

– Спереди.

– Сколько раз?

– Этого я не знаю.

– Два, – сказал Леонид, – и оба раза без промаха.

Ранения таких органов, как сердце и мозг, редко кому оставляют шансы для подробных свидетельских показаний. Я остановился у дивана и посмотрел на Эллу:

– Ссадины, синяки?

На её глазах навернулись слёзы:

– Когда я его окликнула, а он не отозвался, мне было уже не до этого, Витюша.

– То есть никаких признаков борьбы ты не заметила?

– Нет.

Мысль, что Толя мог отдать деньги без сопротивления, в моей голове пока не укладывалась. Если, конечно, его не обманули или не застали врасплох. Варианты не такие уж и немислимые.

– А что с дверными замками? – поинтересовался я.

– Никаких проблем. Я даже подумала, что если дверь не на защёлке, то значит, Толя на работе.

– А он часто задерживался в конторе?

– Почти каждый день.

– А ты?

– Ну, я другое дело.

– А в этот раз?

– А в этот раз со мной захотела посоветоваться подруга.

– Ну и как, посоветовалась?

– Да. А ты думаешь, останься я дома, с Толей ничего подобного бы не случилось?

Я сел на диван и положил на спинку руку:

– А кроме вас кто-нибудь мог знать о предстоящей встрече?

Элла зябко повела плечами:

– Только если нас прослушивали.

– Сейф тоже открыли ключами, – спросил я, – или ребятам пришлось с ним всё-таки повозиться?

Покосившись на Леонида, Элла прикрыла колени сумочкой:

– Ключами. А вот как они там оказались, не знаю. Толя хранил их в банке с морской солью, но об этом знали лишь мы. Да и мне-то он сказал на тот случай, если с ним что-то стрясётся.

– А он предполагал, что с ним может что-нибудь стрястись?

– Я думаю, что Толя имел в виду совсем другой случай: вроде того, что все мы ходим под богом.

Я посмотрел на Леонида. Откинувшись на спинку кресла, тот изучал на рюмке узоры.

– Может, ты пока приготовишь нам кофе? – предложил ему я.

– С молоком, со сливками?

– Чёрный.

Леонид взял со стола поднос и вышел. Было слышно, как на кухне зашумела вода. Я перевёл взгляд на Эллу.

– Думаю, что Толя всё-таки сам открыл сейф, – сказал я. – А убийцы появились позже и просто этим воспользовались.

Элла судорожно вздохнула:

– Всё так нелепо.

– Смерть всегда нелепа, – согласился я, – всегда кажется, что её можно было избежать, – я достал конверт и положил на сумочку. – За похороны я уже заплатил, а это на тот случай, если у тебя вдруг возникнут непредвиденные расходы.

– Спасибо.

– Мне надо будет поговорить с твоей подружкой, – сказал я. – С той, что у тебя консультировалась.

– Мы можем проехать к ней хоть сейчас.

– Я хочу поговорить с ней с глазу на глаз, – сказал я.

Элла написала на салфетке фамилию, адрес и протянула мне. Судя по координатам, девушка жила в центральном районе.

– Ты только не обижайся, – сказал я, – но может так статься, что похороны Толика мне придётся пропустить.

– Ты что, не сможешь задержаться у нас на пару дней?

– Могу, конечно, но лучше, если об этом будет известно лишь нам. Я хочу разобраться в этом деле негласно.

– Частное расследование?

– Называй как хочешь.

– Не влипнуть бы тебе в историю, Витюша.

– Я уже в неё влип.

Щёки Эллы залила краска. В этот момент в гостиной появился Леонид.

– Кофе, господа.

Белый кофейный сервиз на фоне чёрного с красными цветами подноса смотрелся удручающе празднично. За кофе и пирожными Элла немного пришла в себя. Меня же не отпускало ощущение нереальности. Я никак не мог поверить, что Толика больше нет. Немного погодя я попрощался с Леонидом и, проведив Эллу до ворот, вернулся в город.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Стоянка у городской прокуратуры была запрещена. Я оставил машину у универсама и по влажному тротуару вернулся к прокуратуре. Сидевший за стеклянной перегородкой охранник полистал мои документы, позвонил по телефону и назвал номер кабинета, где я мог получить необходимую информацию.

Кабинет следователя располагался в конце длинного коридора с вишнёвыми полами и салатного цвета панелями. Я постучал в оклеенную коричневым шпоном дверь и, не дожидаясь ответа, вошёл.

В небольшой комнатке за низким столом сидел крупноголовый мужчина в штатском и что-то писал. Моё появление заинтересовало его не больше, чем ползавшая по столу муха. Интересно, с собственной смертью он тоже планировал проделать подобный фокус?

Пока он вдохновенно трудился, я успел осмотреться. Кроме стоявших у стены сейфа, стола и четырёх мягких стульев, порадовать глаз было нечем. Чтобы долго пребывать в подобной обстановке без ущерба для здоровья от сотрудников прокуратуры, вероятно, требовались особые качества. Когда мужчина закончил писать, на столе зазвонил телефон, и он минуты четыре потратил на то, чтобы один раз сказать «да» и три раза – «нет». Потом положил трубку, убрал со стола бумаги и, взглянув на меня небольшими карими глазами, сухо представился:

– Коротков Пётр Николаевич.

Пока я излагал причины, из-за которых, как я полагал, оказался в его кабинете, он молча вращал в руке дешёвую шариковую ручку. Дождавшись, когда я закончу, положил ручку на стол и, откинувшись на спинку стула, устало произнёс:

– По поводу убийства гражданина Смирнова: я знаю пока не больше вашего. Что же касается самого расследования, то работа идёт по двум направлениям, и как только следствие вырулит на финишную прямую, я познакомлю вас со всеми его деталями.

Он умолк и вопросительно посмотрел на меня.

– А по каким направлениям, если не секрет? – спросил я.

– Мы проверяем на причастность к убийству как местный контингент, так и залётных.

– То есть конкретных подозреваемых пока нет?

– Есть круг подозреваемых.

– А из какого оружия было совершено убийство, вы мне можете сказать?

Следователь вздохнул и, наклонив голову, большим и указательным пальцем потёр мочку похожего на пельмень уха.

- Из пистолета Макарова.
- Легального?
- К сожалению, нет.
- Время убийства?
- Между восемью и десятью часами вечера.
- Отпечатки?
- Есть, но смазанные.
- Подозреваемый один?
- Предположительно, двое.
- Профессионалы?
- Трудно сказать. Но когда все пули ложатся в цель, прийти к другому заключению

сложно.

Сам он посвящать меня в детали не спешил.

– И это всё, что вы можете мне сказать? – спросил я.

– Пока да.

Кажется, ему действительно нечего было больше добавить.

– Негусто, – констатировал я.

– А вы ожидали, что я сразу назову вам имя убийцы?

– Ожидать можно трамвая, – сказал я, – да и то на остановке. А мне что-то надо сообщить жене убитого.

– Скажите, что расследованием занимаются не новички, а люди, для которых чужая боль так же реальна, как своя собственная.

– А встретиться с этими айболитами можно?

– С какой целью?

– Хочу предложить им вознаграждение.

Он тяжело вздохнул:

– Слава богу, у нас такие отношения пока не практикуются.

– Жаль, – сказал я, – ребятам работалось бы веселее.

– Думаю, что государство о них позаботится.

– Дай то бог, – сказал я. – Только когда забота о себе сам, дела почему-то начинают решаться гораздо эффективнее.

– Вот вы и позаботьтесь, – внезапно взорвался он, – сделайте для сотрудников толковые инструкции! Вбейте им в головы, что чем дальше они от денег, тем больше шансов дожить до старости!

– Инструкции вроде бы были неплохие, – сказал я.

– Значит, контроль над их исполнением никудышный.

– Сами по себе бумаги ещё никого не спасали, – возразил я.

– Зато иногда это удавалось сделать людям.

– Да, – сказал я, – конечно, можно и так.

Следователь откашлялся.

– Не обижайтесь, – сказал он, – но, по-видимому, большинство инструкций пишется для тех, кому они уже никогда не понадобятся. А те, кто по каким-то причинам такой чести ещё не удостоены, упорно продолжают считать себя родственниками Кощея Бессмертного. – Он горько усмехнулся. – Соблюдай люди инструкции, Церкви уже давно бы пришлось подумать о смене рода деятельности.

– Думаю, что пока большинство считает себя тварями подневольными, такого единодушного послушания не удастся достичь даже за колючей проволокой, – сказал я, поднимаясь.

Следователь согласно кивнул:

– Надежды – и ничего кроме надежд.

Он выглядел измотанным.

– Приятно было с вами познакомиться, – сказал я.

– Взаимно, – следователь написал на стикере номер телефона и протянул мне. – На тот случай, если вдруг услышите об этом убийстве что-нибудь полезное.

Я пожелал ему удачи.

– Да-да-да, – согласился он. – Пожалуй, это единственное, без чего никому и никогда не удастся обойтись: ни бизнесу, ни прокуратуре. Да и над искусственным интеллектом я не вижу безоблачного неба.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Вывеску над входом в кафе «Сизая голубка» подсвечивали бегущие разноцветные огоньки. Я остановился у окна и попробовал рассмотреть сутулую фигуру Михайлова. Безрезультатно. Поднявшись на крыльцо, открыл широкую стеклянную дверь и прошёл в вестибюль. Из-под стойки гардероба на мгновение показалась голова женщины в синей косынке и тут же исчезла, чтобы через секунду появиться снова. Голова крепилась к туловищу, и это меня немного порадовало. Я подошёл к гардеробной стойке и, поздоровавшись с уборщицей, поинтересовался:

– Михайлов у себя?

Поблёскивая очками в пластмассовой оправе, женщина подбородком ткнула в сторону зала.

– Попробуйте заглянуть в кабинет заведующей. Когда клиентов немного, он часто там ошивается.

Я сполоснул под раковиной руки и, воспользовавшись вместо полотенца собственным носовым платком, прошёл в зал.

За пластиковой стойкой бара, на фоне составленных рядами бутылок, подбоченясь, стоял высокий смазливый парень. При моём появлении он хотел было сдвинуться в центр, но передумал и остался стоять на месте.

Посетители были заняты клипом Мадонны.

Я сел за стойку и заказал рюмку коньяку и кофе. И то и другое появилось на редкость быстро. Расторопность бармена вызывала уважение. Я выпил свой коньяк и спросил:

– Заведующая у себя?

– Работает с документами.

– А я вот закончил, – сказал я. – Как думаешь, я ей не помешаю?

Бармен бросил на меня обеспокоенный взгляд:

– Думаю, что не очень.

– Ну тогда я пойду, помогу ей с бумагами.

Кабинет заведующей располагался сразу за кухней. Я распахнул его неприметную дверь и шагнул внутрь. По тому, как застыли на диване женщина с яркими губами и тощий Михайлов, я понял, что двери кабинета открывать здесь так не принято.

Оба смотрели на меня не мигая.

Полагая, что немая сцена несколько подзатянулась, я выбрал на столе яблоко покрупнее и с хрустом надкусил. Судя по взгляду заведующей, её однажды уже пугали и, по всей видимости, не без успеха.

Юра положил на коленку женщины ладонь и успокаивающе проговорил:

– Не волнуйся, это мой друг, Виктор.

Та молча убрала его руку с колена и поднялась. Женщиной она оказалась высокой, с тонкой талией и прямой спиной.

– Надеюсь, вы на меня не очень сердитесь? – спросил я у неё.

– Для такого серьёзного занятия у Юры слишком много друзей, – ровным голосом произнесла она. – Вы что предпочитаете: водку, коньяк?

Я мельком глянул на буфет с солидным набором бутылок:

– Коньяк.

Заведующая наполнила золотым сиянием три приземистых рюмки и одну из них поставила передо мной:

– Этот коньяк гораздо лучше, чем в баре.

Я хмыкнул:

– Никогда бы не подумал. Вас как зовут?

– Ирина.

– За ваше гостеприимство, Ирина!

– Давненько ты ко мне не заглядывал, – сказал Юра.

– Дела.

– У всех дела. Прямо с ума можно сойти.

– Да вот пока каким-то чудом ещё держусь.

– Решил развлечься?

– В некотором роде.

– Если не торопишься, могу устроить всё по первому разряду.

– Местечко подходящее, – сказал я.

– Двести баксов с пары.

– Что-то дешёво. Может, за это время и кафе подешевело?

– А вот за недвижимое придётся раскошелиться.

– Пятнадцать лимонов устроит?

– Наличными?

– За наличные я покупаю только бриллианты.

– Тогда извини.

– Жаль. Мне здесь понравилось.

– Вы не первый, кому тут нравится, – сказала Ирина.

– И не первый, кто предлагает миллионы? – спросил я.

– И не последний, – заметил Юра.

– Как быстро мчится время, – произнёс я, – ещё вчера за миллион можно было купить несколько коробок конфет, а теперь отказываются продать забегаловку, которую, возможно, завтра уже опишут за долги.

– Не переживай, – сказал Юра, – для тебя здесь столик всегда найдётся.

– Это будет твой столик, Юра.

– Какая разница, если тебе за ним приятно?

– Ну, если приятно тогда, конечно, – согласился я.

Он поймал мой взгляд:

– А кроме точек общественного питания тебя что-нибудь интересует?

– А вот этот вопрос мне бы хотелось обсудить с глазу на глаз, – я посмотрел на женщину. –

Мадам ничего не будет иметь против?

Мадам ничего не имела против.

Юра посадил меня в зале за столик, а сам на несколько минут отлучился к уже начавшим скучать клиентам. Место Мадонны на экране занял шустрый, как сперматозоид, Майкл Джексон. Парень явно знал толк в суставной гимнастике.

– Ну, что там у тебя? – спросил Юра, усаживаясь напротив.

Я коротко изложил суть дела.

– Гм, – произнёс он. – Такая информация обойдётся тебе в три новых светильника. Вон там над баром.

- Если только они не из золота, – сказал я.
 - Сегодня от блестяшек продолжают балдеть лишь идиоты.
 - Тогда по рукам. Когда ждать известий?
 - Я тебе позвоню.
 - Отлично, только не мне, а господину Павлову с моими инициалами или администратору гостиницы, – я продиктовал ему телефонные номера и поднялся.
 - А как насчёт того, чтобы поразвлечься? – спросил он.
 - Сразу после того, как установим светильники.
 - Тогда, может, ещё по рюмочке?
 - Я за рулём.
- Он улыбнулся. Улыбка получилась не из весёлых.
- Устал как чёрт, – перехватив мой взгляд, виновато сообщил он.
- Учитывая его многолетнюю торгово-закупочную деятельность, поверить в синдром хронической усталости было не так уж и сложно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На улице по-прежнему моросило. За драматическим театром я повернул налево и, дождавшись, когда загорится зелёный огонь светофора, занял место на автостоянке. С тыльной стороны театра, мальчишки, должно быть школьники, дружно сгружали с фургона какие-то ящики. Раскрыв зонтик, я перешёл улицу и, протопав с полквартила по залитому дождём тротуару, нырнул в дверь кондитерской. В нос стоило только приоткрыть двери, пахло ванилью и шоколадом. Несколько покупателей, переходя от витрины к витрине, с интересом присматривались к кулинарным чудесам. В отличие от придирчивых клиентов, у меня на такую экскурсию времени не было. Я купил коробку шоколадного ассорти, полдюжины заварных пирожных и бутылку шампанского. Теперь я по крайней мере мог рассчитывать если не на женскую откровенность, то хотя бы на девичью благодарность.

Многоэтажный дом Эллиной подружки занимал добрых полгектара. Во дворе, под клёнами, которые вполне могли посадить на субботнике ещё мои родители, прятались столики с удобными широкими скамейками. Под одной из них, положив голову на лапы, дремал лохматый рыжий пёс.

Я дошёл до пятого подъезда и, поднявшись к квартире номер сто четырнадцать, нажал на звонок. На мелодичный зуммер никто не отозвался. Я взялся за дверную ручку и повернул. Дверь отворилась. Раздумывать, переступить порог или нет, я не стал. Небольшая полутёмная прихожая была пропитана уютной тишиной.

– Живой кто-нибудь есть?! – подал я голос.

Если живые и имелись, то по какой-то причине пока предпочитали помалкивать. Я дошёл до середины прихожей и остановился. Было слышно, как за неплотно прикрытой дверью ванной неторопливой струйкой стекает вода. В комнате слева, должно быть, гостиной, мягким зеленоватым светом сиял аквариум. Какое-то время я молча наблюдал за спокойно снующими в водной толще рыбками. Они явно не были предупреждены о моём визите. Из задумчивости меня вывел женский голос:

– Вы что-то хотели?

Обернувшись, я увидел перед собой невысокую, симпатичную женщину, одной рукой придерживавшую на груди халатик, а другой заслоняющую от света глаза.

– Если вы подруга Эллы, то задать вам несколько вопросов, – сказал я.

Женщина опустила руку и, шурясь, предложила подождать в гостиной. Её реакция обнадеживала.

Я включил в комнате свет и, выставив на столик презенты, с тяжёлым глянцевым журналом в руках устроился на диване. Главной ударной силой глянца были женские портреты. Очень много портретов и минимум информации. Слава богу, долго ждать возвращения хозяйки не пришлось. В белой блузке, джинсах и босоножках она смотрелась ничуть не хуже глянцевых див.

– Виктор Екимов, – представился я.

– Екатерина Обручева. Чай, кофе?

Ладонь у Екатерины Обручевой оказалась сухой и горячей.

– Шампанского, – сказал я.

Только теперь женщина заметила стоявшую на столике, бутылку.

– О! – одобрительно произнесла она. – Да вы со змеем искусителем! Это коренным образом меняет дело.

Настроение женщины улучшалось прямо на глазах. Открыв коробку с пирожными, она прищёлкнула языком.

– Может, вы и не волшебник, – нежно проворковала она, – но формирование вашей родословной вряд ли обошлось без их участия.

У Екатерины было странное представление о волшебниках. Тем не менее отрешившись от принадлежности к их тайному ордену я не стал.

Женщина поставила рядом с фруктами цветы и, обведя стол рукой, заключила:

– Вот теперь даже невооружённым взглядом видно, что ваши намерения достаточно серьёзны.

– Пять минут назад так оно и было, – подтвердил я.

– А теперь?

– А теперь меня гложут сомнения.

– Ну, это вы зря, – сказала она, – должен же у нас оставаться хоть какой-нибудь повод, чтобы заняться этим чудесным напитком.

Кажется, женщина рассчитывала на праздник. Вряд ли стоило её разочаровывать.

– Лучший предлог, чтобы не дать вину застояться, – тост за знакомство, – сказал я.

– Наверное, это и в самом деле неплохой повод, чтобы откупорить шампанское, – оценила она.

– Особенно когда речь заходит о мужчине и женщине, – подбросил я в разгоравшийся костёр дровишек.

У неё вырвался нервный смешок:

– Никогда бы не поверила, что не смогу додуматься до этого сама.

– Время от времени такое случается даже с очень образованными дамами, – сказал я.

– То, что другие тоже впадают в ступор, меня как-то мало утешает.

– А вы считаете, что тех, кто находится в ступоре, можно как-то утешить?

– Шампанское многих утешает.

Пока мы вели с ней этот полубесмысленный разговор, она успела поставить на стол бокалы.

– Так что же всё-таки заставило вас ко мне заглянуть? – спросила она, когда мы выпили.

– Если я скажу вы, вы ведь всё равно не поверите.

Екатерина многообещающе глянула поверх бокала:

– Если мы станем друзьями, то я, пожалуй, попробую.

– Считайте, что уже стали, – сказал я.

Женщина улыбнулась:

– Я смотрю, вам палец в рот не клади.

– А вы бы предпочли, чтобы я всё время размахивал оливковой ветвью?

Лицо Екатерины стало серьёзным:

- Я бы предпочла, чтобы вы сказали мне правду.
- Тогда вам не повезло: правда – единственное слово, к которому я отношусь с подозрением.
- Может, мне стоит обидеться? – спросила она.
- Думаю, что это вряд ли приблизит нас к истине.
- Ладно, – разозлилась она, – выкладывайте свою проблему и проваливайте. Кажется, в желании поддержать непринуждённый разговор я перегнул палку.
- Если коротко, – сказал я, – то беда. А если подлиннее, то убили моего друга, – я помолчал.
- И вы его знаете, это муж Эллы.
- Екатерина посмотрела на меня так, будто только что увидела:
 - Я вам не верю.
 - Я бы тоже хотел не верить, – сказал я. – Только вряд ли это как-то поможет Анатолию.
- Женщина побледнела:
 - А что с Эллой?
 - С ней всё в порядке, – я потёр щёку. – Вы что же, действительно ничего об этом не знаете?
 - Откуда?! Я весь день на работе!
 - Ну, а теперь-то хоть знаете?
 - Э! – сказала она. – Если вы будете продолжать в том же духе, мы разругаемся с вами вдрызг.
- Кажется, меня действительно понесло, – согласился я.
- Мы помолчали.
- Налейте-ка мне ещё, – сказала Екатерина.
- Я наполнил её бокал доверху. Она залпом выпила:
 - Хотите у меня узнать, кто это мог сделать?
 - Хочу, чтобы вы её успокоили, а там уж сами решайте.
- Бросив на меня взгляд, она горестно вздохнула:
 - Никак в голове не укладывается.
 - Вы часто у них бывали? – спросил я.
 - Скорее, они у меня. На даче. Толик любил... повеселиться, – её голос задрожал, она попыталась улыбнуться. – Кажется, мне надо поплакать, – удивлённо произнесла она.
- Я попытался снизить градус её переживаний:
 - Когда вы в последний раз виделись с Эллой?
 - Вчера. Мне понадобилось у неё кое-что выяснить, – она отвела взгляд в сторону. – Ничего особенного, обычные девичьи посиделки.
- А кто-нибудь кроме вас мог знать об этой встрече?
- Женщина пожала плечами:
 - Трудно сказать. Мы ведь договаривались с ней по телефону.
 - И весь вечер провели вдвоём?
 - Да.
 - И вам никто не звонил?
 - Нет.
 - А когда вы с ней расстались?
 - Где-то около девяти. Точно не помню.
- То, что она не помнила точного времени, было скорее плюсом, чем минусом.
 - Извините, что расстроил вас, – сказал я.
 - О чём вы говорите! Давайте лучше помянем Толю.
- Я не возражал. Женщина поставила на стол две рюмки и бутылку «Столичной». Мы дружно выпили.

– Иногда мне кажется, что люди делятся на две категории, – произнесла она, – на тех, кто думает, что жизнь никогда не кончается, и на тех, кто считает каждое её мгновение.

– Смерти наплевать на то, что мы о ней думаем, – сказал я.

– Да, – согласилась Катя, – но одни могут это принять, а другие – нет.

– Иногда смерть происходит так быстро, – сказал я, – что человек не успевает моргнуть. Миг и вечный покой. Счастливая смерть, слышали, наверное, о такой?

– Вы действительно думаете, что внезапную смерть можно считать счастливой?

– Человек мучается, когда есть выбор. Выбор и время, чтобы его принять. Ну, ещё от боли и страха.

– Считаете, что Толя всё это благополучно миновал?

– Вот это я бы хотел выяснить, – сказал я.

– Так вот оно в чём дело, – медленно произнесла она, – вот, значит, зачем вы здесь.

– Я приехал, потому что Толя мой друг, – сказал я. – А я друзей не сдаю ни живыми, ни мёртвыми. А чтобы вам стало ещё понятнее, считайте, что вместе с ним умерла и часть меня.

Зажмурившись, она потрясла головой:

– Круто. Может быть, вы и меня внесёте в этот список?

– Может быть, если вы мне скажете, кто его убил.

В тот вечер, как мы ни старались, она так и не смогла назвать имя убийцы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я приспустил в машине спинку кресла и, устроившись поудобнее, попытался подвести итоги. Пока они не радовали. Теоретически, за пятнадцать миллионов Толю мог убить любой, кто хорошо умел считать до пятнадцати. Навскидку – пальцев для подозреваемых на руке явно не хватало.

Я вышел из машины и позвонил Карташову. В его голосе удивления не было. Он молча выслушал мой монолог и предложил встретиться в «Сове». Насколько я помнил, этот небольшой ресторанчик славился не только очередями, но и кухней. Правда, Карт предупредил, что две новых забегаловки переманили к себе почти всю молодёжь и теперь для заведения наступили не лучшие времена.

Увидев у гардероба швейцара, я в это почти поверил. В его фигуре жизни ощущалось не больше, чем в выставленном в витрине магазина манекене. Несколько одиноких пар за круглыми столиками пытались хоть как-то скрасить своё одиночество. Карт сидел в углу у окна и из высокого стакана потягивал какую-то жидкость. Встретившись со мной взглядом, он встал и призывно помахал рукой. В его чёрный двубортный пиджак при желании легко можно было бы втиснуть средних размеров бурёнку. Ответив на рукопожатие, он окинул меня цепким изучающим взглядом и одобрительно хмыкнул:

– Похоже, занятия бизнесом не самое худшее из того, что господь ниспослал землянам.

– Сдаётся мне, что, поднимаясь на Голгофу, он не забыл и о журналистах, – откликнулся я.

От барной стойки отделился официант и подошёл к нам. Его длинная фигура являлась почти точной копией стоявшего в дверях швейцара. Появившиеся на столике бутылка водки, малосольные огурчики, жареный картофель, соевый соус и присыпанная зеленью телятина приятно оживили угрюмую атмосферу. Карт поблагодарил официанта и, накинув на запотевшую бутылку полотняную салфетку, собственноручно наполнил рюмки.

– Ты знаешь, – сказал он, у людей в головах теперь лишь три мысли: как заработать, как потратить и кого переспать. Ты единственный, с кем ещё можно поболтать о трансцендентном.

– Так уж и единственный? – не поверил я.

– Во всяком случае, единственный, кто делает это с удовольствием, – уточнил Карт.

– Сегодня я тебя как раз и пригласил, чтобы побеседовать об этом, – сказал я. – Не возражаешь?

Карт опорожнил рюмку и, удерживая дыхание, кивком головы продемонстрировал свою готовность.

– И это всё? – спросил он, когда я закончил повествование.

– Мне нужно знать, были ли мальчики вообще, кто их «родители» и где с ними можно познакомиться?

– А больше тебе ничего не хочется? – его взгляд стал более чем выразительным. – Думаешь, если ты их найдёшь, они застыдятся и тут же вернут тебе бабки? Может, ты уже и тарелочку приготовил?

– Тридцать восьмого калибра.

Его взгляд упёрся мне в грудь:

– Вот из этого калибра они тебя и укокошат, – голосом позднего Калиостро пообещал он. – А заодно и меня. Когда вы, наконец, начнёте решать такие дела цивилизованно, через суды?

Я закурил и уставился на Карту. Тот отложил в сторону вилку и заёрзал на стуле. Наконец, не выдержал и посоветовал:

– Задействуй ментов и не морочь мне голову.

В общем-то, совет для погрязшего в выпестованных обществом ценностях индивида был вполне разумным.

– Они ещё прошлый год не разгребли, – сказал я.

– А ты разгребёшь? – вдруг взвился он. – Да если они о тебе пронюхают, ты ведь и суток не протянешь!

– А ты собрался с ними советоваться? – спросил я.

Карт рассмеялся:

– Нет, ты не больной – ты тяжелобольной. Я же не ясновидящий. Мне с людьми надо будет пообщаться, и не с одним.

– И они тут же побегут тебя закладывать?

Карт придвинул ко мне порозовевшее лицо:

– Ты что, не можешь подарить им эти пятнадцать миллионов?

Я отрицательно покачал головой; такой христианской любви к мальчикам я не испытывал:

– Не для этого я их столько лет собирал.

Карт в отчаянии прикрыл глаза:

– Хорошо, – сказал он, – я приду на твои похороны. Но только для того, чтобы сказать всё, что я о тебе думаю. Меня уже тошнит от добрых слов в твою сторону.

– С матом оно, конечно, веселее, – согласился я.

Карт фыркнул:

– Ты не умрёшь, ты сдохнешь!

– Зависть иссушает, – напомнил ему я.

– Не дождёшься! Пока закончится процесс моей мумификации, над тобой уже леса заколосятся.

– Вот давай за Шопена и выпьем, – предложил я.

К соседнему столику с очередной бутылкой подошёл официант. Располагавшиеся за столиком крупная блондинка и начавший лысеть лет на тридцать раньше положенного срока мужчина были, вероятно, единственными, кто пришли в ресторан, чтобы «отдохнуть». Может, нам сегодня тоже стоило надраться? Я разлил остатки водки по рюмкам и предложил Карту напиток.

– К чёрту закуску, – сказал я.

Призыв попахивал анархизмом. Карт посмотрел на свою порцию телятины и с сомнением покачал головой. Любые действия, направленные на ограничение питания он отвергал в зародыше:

– Извини, но в вопросах, связанных с застольем, я сторонник традиционных правил.

Это было неправдой, но мы выпили. В желудке стало теплее, а вот на душе по-прежнему лежала изморозь.

В ресторан впорхнула стайка молоденьких девиц и с шумом расселась за соседним столиком. Девочки были чистые, ухоженные и выглядели соблазнительно. Две из них занялись меню, а одна начала активно расстреливать нас глазками. Я знал, чем всё может кончиться. Сначала Карт пригласит их за стол, потом посадит на колени, а потом ему захочется приключений.

Когда я уходил, Карт рассказывал девочкам третий анекдот. Не знаю, показалось мне или нет, но вся четвёрка выглядела счастливой.

На крыльце ресторана я остановился и с удовольствием вдохнул осенний воздух. Дождь кончился, и под фонарями асфальт отсвечивал золотом. По улице, разрывая водяную плёнку колёсами, с шумом проносились автомобили. В гостиницу я попал далеко за полночь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ведомственная автостоянка перед строительным трестом была переполнена. В центре, блестя свежей полировкой, по-хозяйски располагался чёрный джип директора. Водитель, черноволосый кавказец, развернув на руле газету, сосредоточенно всматривался в убористый текст. Трудно сказать, что его могло заинтересовать в газете на тринадцатом году перестройки. Тем не менее я не стал ему мешать, запер автомобиль, и направился к центральному входу.

Для тех, кто не знал, «мемориальная» доска у дверей скромно сообщала: «Строительно-монтажный трест №2», а чуть ниже, на жёлтом прямоугольнике, красным шрифтом шло дополнение: ООО «Стройсервис» и логотип фирмы – две парящих на голубом фоне ласточки. Мать и дочь. Вывеску закреплял ещё Смирнов. Краска была яркая, и с информацией успевали познакомиться всё, кто проезжал мимо.

Миновав тамбур, я открыл ещё одни двери, на этот раз застеклённые, и оказался в просторном вестибюле с конторкой для вахтера. За столом конторки с зажжённой лампой сидел Антоныч и мирно щёлкал семечки. С семечками он не расставался с тех пор, как бросил курить. А сделал он это на второй день после взятия Берлина. Его пепельная голова с птичьим профилем развернулась ко мне анфас:

– Ну что, – спросил он, – и до вас очередь дошла?

Хвастаться было нечем, я покорно кивнул:

– Вроде того.

Вахтёр хмыкнул:

– С одной стороны, закон, с другой – эти суки. Не надоело?

– Есть немного.

– Может, помочь чем?

– Чем тут поможешь, – сказал я, – разве что шмайсером?

Антоныч одобрительно хмыкнул.

– Анатолию-то что, денег на телохранителя пожалел?

– Ко всем телохранителей не приставишь.

– Загрызут они вас так.

– Если с рук сойдёт, то обязательно.

– Вот-вот, – он взял блюдце с шелухой и аккуратно ссыпал в стоявшее у ноги ведро. –

Такая жизнь, что скоро сам себя уважать перестанешь.

– Мои на месте? – спросил я.

– А куда же им деваться? Сидят, воркуют, – поднял на меня выцветшие глаза и добавил: – В тот день они втроём уходили. Смирнов, Соколов и секретарша. И судя по тому, как уходили, помирать товарищ Смирнов не собирался.

– Анатолий больше не возвращался?

– При мне – нет.

Я одолжил у Антоныча горсть семечек и поднялся в офис.

Двери в приёмную были распахнуты. За столом секретарши сидел главный инженер Соколов и увлечённо раскладывал на компьютере пасьянс. Я пожал ему руку и прошёл в кабинет. Кроме Галкина и Левитиной за т-образным столом сидела сметчица Гинзбург, инспектор отдела кадров Грошева, два новых прораба, а ещё двое – механик Баранов и экономист Выухолев – курили у окна. Я предложил коллегам почтить память Смирнова минутой молчания и объявил, что филиалом будет временно руководить Эдуард Яковлевич Галкин:

– Вопросы? Если нет, то всё, кроме Левитиной и Соколова, свободны.

Когда всё вышли, я наполнил бокал минеральной водой и сказал:

– По моим данным, последними, кто видел Смирнова, были вы. Поэтому попрошу вспомнить всё, что хоть каким-то образом может пролить свет на убийство.

– Вчера всё, что может пролить свет, мы уже рассказали нашим доблестным ментам, – недовольно буркнул Соколов.

– А сегодня повторите всё это мне, – сказал я, – но уже с поправкой на то, что я не мент. Соколов посмотрел на Левитину, а потом на меня:

– Мне первому рассказывать?

– Угу, и поближе к фактам.

– Честно говоря, ничего такого, что могло бы внести в это дело ясность, я не знаю.

– Содержательно, ёмко и исчерпывающе, – похвалил я. – Что-нибудь ещё?

– Только то, что сказал.

Я вздохнул:

– Где и когда вы с ним расстались?

– После двадцати ноль-ноль. На нашей автостоянке.

– Кто-нибудь ещё может это подтвердить?

Соколов посмотрел на Левитину:

– Белла Викторовна. А об убийстве я узнал уже утром.

– Вы уехали первыми?

– Одновременно.

– По домам?

– Я – да.

– А Анатолий Игоревич?

Соколов снова посмотрел на Левитину:

– Понятия не имею.

Интересно, он и в самом деле ничего не знал или только прикидывался?

– Ну что ж, спасибо! – поблагодарил я. – Не забудьте мне завтра сообщить своё мнение по кандидатуре управляющего. – В приёмной с кем-то громко спорил Галкин. Я упёрся локтями в столешницу и продолжил:

– Ну а теперь ваша очередь, Белла Викторовна.

Опустив глаза, Левитина пожала плечами:

– А что рассказывать, Виктор Александрович? После того как мы разъехались, я его тоже больше не видела.

На её симпатичном лице не было и намёка, что она пытается что-то утаить.

– Да? И чем же вы занимались весь вечер?

– Готовилась к экзаменам по английскому.

– Одна?

В серых глазах Левитиной что-то промелькнуло:

– Во всяком случае, не с Анатолием Игоревичем.

– Ну, это уже хорошо. Я ведь, Белла Викторовна, расспрашиваю вас не любопытства ради, а...

Она криво усмехнулась:

– Я знаю: «А пользы для».

Мои вопросы ей явно не нравились, и предавать огласке свою личную жизнь она не собиралась.

– Вчера вы тоже не заметили ничего необычного в поведении Анатолия Игоревича? – помолчав, спросил я.

– Он в любой обстановке держал себя ровно.

– А до этого ни ссор, ни угроз, ни колоритных посетителей?

– Может, и были, но мне об этом ничего не известно.

– Милиция в кабинете уже успела похозяйничать?

– Без ордера я не разрешила им этого сделать.

– Ну и правильно, – похвалил я, – у меня больше нет вопросов.

Подойдя к дверям, Левитина остановилась и спросила:

– Убийство действительно связано с ограблением?

– Пока это лишь одна из рабочих версий.

– И, насколько я понимаю, не самая удачная?

Я пожал плечами:

– Пока преждевременно делать какие-то выводы.

Женщина усмехнулась:

– Полагаете? А я бы на вашем месте всё-таки попыталась.

Она поправила упавшую на лоб прядь и быстро вышла.

Разглядывая улицу, я некоторое время постоял у окна. Потом подошёл к сейфу, набрал код и, вставив свой ключ, открыл массивную дверцу.

Первое, что бросилось в глаза, – стоявший на нижней полке бордовый саквояж ручной работы. По кабинету тут же поплыл запах натуральной кожи. Несмотря на небольшие размеры, чемоданчик оказался увесистым. Расстёгивая замки, я уже догадывался, что увижу: деньги, десять миллионов в пятитысячных купюрах. А вот по украшениям и ценным бумагам, о которых упоминала Элла, дебет с кредитом не сходился. Я постоял у саквояжа в почётном карауле и не без некоторого сожаления вернул на место. Честно говоря, находка меня не порадовала, но и не огорчила. Деньги могли оказаться здесь по нескольким причинам. Например, в последний момент Толя решил, что рабочий сейф гораздо надёжнее домашнего. На всякий случай я полистал бумаги в сейфе, а затем и в столе. Вся корреспонденция носила деловой характер. Заглядывая в ящики стола, я наткнулся на мусорную корзину. Её содержимое меня заинтересовало и, как оказалось, не зря. На одном из смятых листов красным фломастером было выведено:

«Десять тысяч долларов за сохранение тайны не так уж и много, не правда ли? Умеющий держать язык за зубами. P. S. Деньги мне понадобятся завтра».

Самоуверенный, однако, тип. Это смотря какой тайны. Но вряд ли листок задуло сюда ветром. Я аккуратно сложил послание вчетверо и сунул в карман. Если до этого, как мне казалось, я хоть что-то в этом деле понимал, то теперь возможные причины убийства зазвучали совсем не так однозначно.

Когда я вышел из кабинета, в приёмной находилась только Левитина. Я попросил у неё полоску бумаги, клей и, опечатав дверь, приказал никого без моего ведома в кабинет не впус-

кать. Перед тем как покинуть офис, я вызвал Галкина и попросил принести личные дела сотрудников офиса. Ничего особенного я в них не нашёл, кроме выполненных анфас и профиль фотографий, введённых в практику ещё Смирновым. Сделав ксерокопии, я выписал адресные данные на Соколова, Левитину и попросил Галкина, чтобы отдел кадров ещё раз проверил анкетные данные на новых прорабов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

До окончания рабочего дня оставалось полтора часа. Поставив машину на гостиничную стоянку, я поднялся в номер, принял душ и, не расправляя постели, повалился на кровать. Вечером я планировал встретиться с Соколовым и Левитиной ещё раз. Мне почему-то показалось, что в офисе они были со мной недостаточно откровенны. Пятнадцать минут, проведённые в дрёме, вернули меня в рабочее состояние.

Вручая ключ, нестареющая блондинка с ярко покрашенным ртом передала мне карточку с двумя телефонными номерами:

– Просили срочно позвонить.

Срочно так срочно. Владельцами номеров оказались Карташов и Михайлов. Оба утверждали, что местная братва никого отношения к убийству Смирнова не имеет. Если их информация соответствовала действительности, то дела в филиале обстояли совсем паршиво.

Я поужинал, купил очередной набор джентльмена и, оседлав «Опеля», отправился к Соколову. Как оказалось, зря. Ни городская квартира главного инженера, ни загородный дом свои двери передо мной не распахнули. Попытка встретиться с Левитиной в домашних условиях тоже не увенчалась успехом. Я развернулся и рванул к конторе. Главного инженера на рабочем месте уже не было, а вот Левитина ещё продолжала трудиться.

Я вернулся в машину, включил «Авторадио» и стал соображать, как добиться от секретарши правдивой информации. То, что она успела рассказать, могло соответствовать истине, а могло быть и наглой ложью. К тому времени как она вышла из офиса, я успел не только разложить известные мне факты по полочкам, но и проголодаться. Я дождался, когда её Тойота вырулит с автостоянки и, стараясь держаться на расстоянии, двинулся следом. Судя по курсу, женщина направлялась домой. На очередном перекрёстке я свернул на параллельную дорогу и направился к её дому самостоятельно.

Левитина появилась во дворе минут через пятнадцать, достала из салона два полиэтиленовых пакета и направилась к подъезду. Я решил, что будет лучше присоединиться к ней в квартире.

Если не принимать в расчёт «настенный интернет», подъезд выглядел вполне прилично. Поглядывая на народное творчество, я незаметно добрался до второго этажа. На лестничном марше третьего меня заставил остановиться мужской голос:

– Не бойся, я к тебе ненадолго.

Голос показался знакомым. Я замер.

– После того, что ты натворил, мне с тобой не о чём разговаривать! – в гулкой тишине голос Виктории прозвучал как приговор.

– И всё-таки я хочу, чтобы ты меня выслушала.

– Снова я?!

– Может, мы всё же будем выяснять наши отношения не в подъезде? – резонно заметил мужчина.

– Я уже устала тебе объяснять: у нас нет с тобой отношений, не было и никогда не будет. И если не хочешь неприятностей, то не пытайся больше меня подкарауливать!

Послышался характерный звук открываемого замка.

– Я тебя надолго не задержу, – глухо произнёс мужчина.

Видимо, открыв дверь квартиры, Белла всё же решила его впустить.

– Пять минут и не секундой больше, – холодно отрезала она.

Хлопнула дверь, и всё смолкло. Добился-таки своего.

Я перевёл дух и не спеша спустился во двор. Каким боком замешан в этом деле Соколов, было пока не ясно. Я сел на лавочку и, поглядывая на прыгающих в песочнице воробьёв, стал ждать. Соколов появился через десять минут. В задумчивости постоял у подъезда и медленно побрёл прочь. Вероятно, разговор оказался гораздо тяжелее, чем он предполагал.

Я дал Левитиной время успокоиться и, стараясь ничему больше не удивляться, поднялся к её дверям. Моя настойчивость была вознаграждена лишь после четвёртого звонка. В домашней обстановке секретарша выглядела гораздо официальной, чем в приёмной. Я извинился за неожиданный визит и попросил уделить несколько минут для разговора.

– А на завтра этот разговор перенести никак нельзя? – едва сдерживаясь, чтобы не нагрубить, холодно поинтересовалась она.

– Завтра может быть уже поздно, – сказал я.

Усадив меня за сервировочный столик, Левитина приготовила две чашки кофе и, сев рядом, всем своим видом дала понять, что готова слушать.

– Мне показалось, что сегодня в офисе вы от меня кое-что утаили, – сказал я.

Левитина поднесла к губам чашку и сделала осторожный глоток. Кажется, она уже понимала, что уклониться от ответа не удастся, и лишь подбирала ту форму, в которой это будет удобнее сделать. Я решил ей помочь:

– В тот вечер, когда убили Смирнова, Соколов к вам заходил?

Отведя взгляд в сторону, она едва заметно кивнула.

– Время не припомните?

– Около девяти вечера.

– И?

В этот момент в дверь позвонили. Левитина вопросительно приподняла брови. Я молча пожал плечами. Женщина поставила чашку на столик и вышла в прихожую.

Думая о том, кто бы это мог быть, я откинулся на спинку дивана. Сначала из прихожей донеслись звуки отпираемой двери, затем что-то напоминающее всхлип, а вот потом произошло то, что заставило меня вздрогнуть: тишину разорвал выстрел.

Я метнулся к стене. Сердце колотилось так, что прогибались рёбра. Из прихожей не доносилось ни звука. Я сделал несколько осторожных шагов и выглянул в прихожую.

У приоткрытой двери в позе цыплёнка табака лежала Левитина. На груди, окрашивая светлую ткань домашнего халата, расплывалось бордовое пятно. Похоже, на этот раз она всё же собиралась сказать мне правду.

Я выскочил на лестничную площадку и, перепрыгивая через ступеньки, помчался вниз по лестнице. Скорость не помогла. Если убийца не укрылся в соседнем подъезде, то с физической подготовкой у него всё обстояло отлично: мне не удалось взглянуть на него даже со спины.

Вернувшись в квартиру Левитиной, я тщательно протёр всё, к чему прикасался. Если кто-то из жильцов меня и видел, а, скорее всего, так оно и было, то шансов вытянуть из них мои приметы у милиции будет немного.

На этот раз использовать чужие колёса я не стал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ни в вестибюле, ни в номере гостиницы меня никто не ждал. Я быстро переоделся, надел наплечную кобуру с пистолетом и направился к выходу. В это время в дверь постучали. Стук был настойчивым, но деликатным. На всякий случай я расстегнул на куртке молнию, но, как

оказалось, зря. Стучала девица: невысокая, в кожаном фиолетовом полупальто с поднятым воротником и блудливыми чёрными глазами.

Перегородив дверной проём, я молча ждал. Нервно оглянувшись, она спросила:

– Ты один?

Соображая, что ей может быть от меня нужно, я промолчал.

– Если заплатишь, могу поделиться важной информацией, – интимным голосом пообещала она.

Теперь уже я посмотрел по сторонам.

– Да? И о ком же?

– О Смирнове.

Я решил, что потеряю немного, если её выслушаю. Оказавшись в номере, девица повела себя вполне прилично. Я усадил её в кресло и, показав ксерокопию фотографии Смирнова, спросил:

– Ты его имеешь в виду?

Девица кивнула. Я наполнил из стоявшей на столике бутылки коньяка две рюмки и приготовился слушать. Она усмехнулась и выразительно потёрла палец о палец. Видно, эра альтруистов подошла к концу и в России.

– Сколько? – спросил я.

Поставив на столик пустую рюмку, она обиженно откинулась на спинку кресла.

– Я, начальник, фуфлом не торгую.

Блатное словечко неприятно резнуло слух.

– А чем, монастырскими вышивками?

– Если хочешь выяснить тайну гибели Смирнова, то не жмоться, – сказала она. – Мне лишнего не надо.

– О лишнем можешь даже не мечтать, – согласился я.

Боясь продешевить, девица торопливо облизала фиолетовые губы:

– Три тысячи баксов!

– Сколько?! Сегодня даже академики столько не получают. Сто долларов!

На секунду задержав дыхание, она возмущённо выдохнула:

– Две тысячи долларов! Если, конечно, информация окажется стоящей.

За стоящую информацию было не жалко заплатить и больше, но только не ей. Я достал из бумажника сто долларов и положил на столик:

– И сто долларов, если ты действительно что-то знаешь!

Деньги тут же перекочевали в её лифчик. Если она считала, что там они сохранятся надёжнее, чем в кармане, то в жизни она так ничего и не поняла.

Бросив на меня укоризненный взгляд, женщина дотянулась до бутылки и не без усилия наполнила рюмку.

– Всё гораздо проще, чем ты думаешь, – пояснила она. – Дело в том, что квартира, которую снимал твой управляющий, расположена стенка в стенку с моей. Поэтому много времени, чтобы выяснить «ху из ху», мне не потребовалось. Только не спрашивай, с какой целью.

В общем-то, приблизительно я уже и сам догадывался, с какой.

– Впрочем, для тебя такие мелочи вряд ли имеют значение, – она глянула на меня, потом на рюмку и быстро проглотила очередную порцию.

Если она собиралась вести беседу в таком темпе и дальше, то самое интересное я мог от неё уже и не услышать. Я придвинул «священный сосуд» к себе и под осуждающим взглядом девицы наполнил его содержимым лишь одну рюмку – свою. Такое грубое нарушение этикета привело её в смятение – правда, ненадолго. Напоминание о долларах помогло ей справиться с кризисом гораздо быстрее, чем мне выпить.

– В тот день они тоже приехали, чтобы расслабиться, – продолжила она хриплым голосом. – Но в этот раз он выдался критическим для них обоих, – она визгливо рассмеялась. – Их вычислила его «пила» и подняла под дверью такой тарарам, что я уже хотела ментов вызывать. Через полчаса она уехала. А минут через пятнадцать, её примеру последовала и сладкая парочка, – она улыбнулась и посмотрела на меня: – Ну, разве такая информация не стоит двухсот баксов?

«Интересно, – подумал я, – сколько же зелени за своё молчание ты успела вытянуть из Смирнова?»

Я достал из кармана ксерокопии и, разложив перед девицей, поинтересовался:

– Женщины, которых ты упоминала, здесь есть?

Дама уверенно ткнула кроваво-красным маникюром в две фотографии.

– Тёлок с такой фактурой трудно не запомнить.

Тут она была права: женщин с правом на главные роли на улицах, действительно, встретишь нечасто.

Бросив взгляд на бутылку, девица пересилила искушение и поднялась. То, что она рассказала, теперь позволяло трактовать убийство Смирнова совсем в другом свете. Но верить в такую трактовку не хотелось. Я встал и пригласил девицу к выходу. Та не шелохнулась:

– А вторую половину?

– Я ещё не видел твоего укреп-гнезда, – сказал я. – Может, ты мне здесь просто уши трёшь.

– У меня муж ревнивый, – заупрямилась она.

– Если твой рассказ не будет подтверждён другими свидетельскими показаниями, – пригрозил я, – то твои сто баксов так сотней и останутся.

Такой поворот дел её не устраивал:

– Ладно, чёрт с тобой. В конце концов, с меня не убудет.

Не знаю, что она имела в виду под этими словами, но через десять минут мы уже подъезжали к её кирпичной пятиэтажке.

И дом, и подъезд требовали ремонта. В воздухе витал тот особый неистребимый запах, который по прошествии определённого количества лет неизменно пропитывает подъезды многоэтажных домов.

Женщина открыла квартиру и, прежде чем войти, подбородком указала на дверь слева:

– Вот там они и упражнялись.

Коричневую металлическую дверь соседей без болгарки было не взять. Впрочем, снимая квартиру, Смирнов вряд ли задумывался о таких деталях.

Впустив меня в прихожую, девица глянула на себя в зеркало и поинтересовалась:

– Ну что, достаточно для принятия решения, или будешь отпечатки снимать?

– Путем телать праферка фаш такумент, – старательно коверкая слова, произнёс я.

Она повернула ко мне ошарашенное лицо:

– Ты это что, серьёзно?

– Любовь приходит и уходит, – сказал я, – а паспортный режим всегда даёт возможность воскресить необходимые для следствия детали.

– Может, мне ещё и анкету заполнить? – ехидно предложила она.

– Если ксива окажется фальшивой, то придётся поработать и над анкетой, – не исключил я.

Едва сдерживаясь, чтобы не послать меня куда подальше, (господи, сколько же нас там уже перебивало?!) женщина нырнула в комнату и через минуту появилась с паспортом, держа его перед собой, словно икону.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Ташлыкова Анна Фёдоровна.

Я внимательно ознакомился с документом. Меня интересовали только данные. Всё совпадало.

– У следствия больше нет вопросов, – сказал я.

Женщина забрала паспорт и, скрестив на груди руки, торжествующе улыбнулась. Я бы здорово удивился, если узнал, что она считает свой поступок верхом добродетели. Я достал бумажник и дал женщине ещё сто долларов. То, что она рассказала, стоило таких денег.

– Надеюсь, что в суде твоя версия не будет здорово отличаться от первоначальной! – сказал я.

– За триста зелёных, – ухмыльнулась она, – я бы могла придумать для суда и более убедительную историю.

– Постарайся не забыть за двести хотя бы эту, – сказал я.

То, что рассказала Ташлыкова, требовало проверки. Когда за женщиной захлопнулась дверь, я подошёл к квартире напротив и нажал на звонок. Через какое-то время в дверном проёме возник крупный черноволосый мужчина со спокойным взглядом и плотно сжатыми губами.

Чтобы избавить его от ненужных вопросов, я сразу представился:

– Министерство внутренних дел, капитан Павлов.

Мужчина молча кивнул. Я ткнул пальцем себе за спину и сказал:

– Ваша соседка Ташлыкова жалуется, что в последнее время на лестничной клетке стало слишком шумно.

Мужчина удивлённо приподнял брови:

– А я-то тут при чём?

– Она имеет в виду своего соседа слева, – уточнил я.

– Трубников уже полгода живёт в другом районе.

– Ну тогда, значит, его квартирантов.

Сосед Ташлыковой отрицательно помотал головой:

– Исключено.

– А два дня назад?

– А! – Мужчина хлопнул себя по лбу. – Вы, вероятно, имеете в виду скандал, который тут недавно устроила одна чокнутая?

– Не я, ваша соседка. Вы видели ту женщину?

– Нет, о скандале мне рассказала жена.

– А квартирантов Трубникова?

– Пока тоже не приходилось.

– А ваша жена?

– Во-первых, моя жена от природы не любопытна, а во-вторых, для этого надо иметь хотя бы дверной глазок или видеокамеру. А лучше – и то и другое.

– Может, тогда подскажите, как связаться с вашим соседом?

– Попробуйте узнать в домоуправлении.

Пока мы беседовали, до моих ушей действительно не донеслось ни одного резкого звука. Вероятно, подъезд на самом деле был тихим.

– Ладно, – сказал я, – спасибо. Кажется, ваша соседка и впрямь погорячилась.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Утро следующего дня я встретил на пороге домоуправления. Там знали не только телефон Трубникова, но и его новый адрес. Я выпил с девчатами пару кружек чая, съел половину принесённых с собой конфет и, пообещав сделать новую встречу более творческой, отправился к арендодателю.

Так долго, как Трубников, мне не открывали двери даже должники. Глядя на меня карими, по-восточному узкими глазами, он несколько раз провернул свой заржавевший «арифмометр» и голосом, которым пытаются разговаривать с клиентами роботизированные системы, произнёс:

– Смирнова я видел дважды: когда подписывал с ним договор и когда вручал ключи от квартиры. Больше мы с ним не встречались. Что касается его жены и любовницы, то ни с той, ни с другой не знаком, – махнул рукой, видимо, прогоняя воображаемую муху, и добавил: – Это всё, что вас интересовало?

– И за это время вы ни разу не проверили, как эксплуатируется ваша собственность?

– А зачем? Деньги он мне платил исправно, а все остальные вопросы при необходимости всегда можно решить через суд.

Его непоколебимая вера в суд сразила меня наповал. Я мысленно осенил его лоб крестным знаменем и попрощался.

Увы, но Ташлыкова как была моим единственным источником информации, так им и осталась. Вернувшись в машину, я допил остатки приправленного земляничным варением чая и, стараясь слишком не нарушать ПДД, отправился к Соколову. Того по-прежнему не было дома. По каким-то причинам главный инженер упорно не хотел ни встречаться, ни отвечать на мои звонки. Чтобы не терять время на домыслы, я купил торт и, оживив в воображении немного потускневший образ Обручевой, настроил себя на ещё одну встречу с ней.

На этот раз она не забыла запереть дверь. Я позвонил. Моя озабоченная физиономия заставила её улыбку уменьшиться до стандартного размера. Обидно, даже учитывая тот факт, что пришёл я к ней не на свидание.

– Памятуя о прошлом, – сказал я, – не мог не заскочить. Впустишь?

Её улыбка засияла в полную силу:

– Проходи.

В зелёной тунике и чёрных леггинсах Екатерина выглядела на твёрдую пятёрку даже по шкале успешного состариться раньше времени Зайцева.

– С удовольствием, – не стал я ломаться.

Женщина провела меня в гостиную и, усадив на диван, поинтересовалась:

– Водку, коньяк?

– стакан минеральной, – сказал я.

Мой заказ её озадачил. Улыбка стала неуверенной. Тем не менее она поставила на стол бутылку минеральной воды, бутылку коньяка, фужер и две рюмки. Я налил ей коньяка, себе минералки, и мы выпили. Она явно не догадывалась о цели моего визита.

– Как Элла? – спросил я. – С датой похорон уже определилась?

– Двенадцатого. Сразу после отпевания.

– Как настроение?

– Паршивое, но виду не подаёт.

– А где вы с ней встречались?

– В мобильной сети.

– Давно?

– Пару часов назад.

– Элла сама тебе позвонила?

Рука женщины поправила на груди брошь:

– Что-то случилось?

Покрутив в руке стакан, я всё-таки решился.

– Зачем ей понадобилось втягивать в это дело тебя? – спросил я. – Или ты решила поучаствовать в нём добровольно?

Екатерина дотянулась до бутылки и плеснула себе коньяку:

– Затем, что в квартире лежал труп её мужа. Мужа, которого пару часов назад она застала с другой женщиной. Или она должна была признаться, что сама его убила?

Я глотнул минералки:

– А разве нет?

Обручева обняла себя за плечи и зябко поёжилась:

– Что «нет»?

– Разве не она его убила?

Екатерина посмотрела на меня с неприязнью:

– Что за шутки?

– Какие уж тут шутки.

– Да она с него пылинки сдувала!

– А вчера убила его секретаршу, – произнёс я.

Екатерина попробовала изобразить ядовитую улыбку:

– Из-за пятнадцати миллионов?

– Да нет, – сказал я, – всё это время деньги находились там, где им и положено было находиться: в рабочем сейфе.

– Я тебе не верю!

– А себе?

Обручева схватила стакан и залпом выпила. Ей явно не хотелось соглашаться с тем, что она услышала.

– Ты только пересказываешь её версию или сама присутствовала при убийстве? – спросил я.

Женщина глубоко вздохнула и обречённо выдохнула:

– Элла приехала ко мне под утро.

Что-то в этом роде я и предполагал. Я плеснул в рюмку коньяку и чуть ли не силком заставил её выпить. Выпил сам и, показав на телефон, сказал:

– Позвони ей и предупреди, что мы сейчас подьедем.

Глянув на меня, она решительно замотала головой:

– Нет.

– Бросишь подругу расхлёбывать эту кашу в одиночку?

Обручева усмехнулась:

– Можно подумать, что ты собираешься её облагодетельствовать.

– От меня теперь действительно мало что зависит, – согласился я. – Меня теперь если что и беспокоит, так это как бы она ненароком других глупостей не наделала.

Я набрал номер городской квартиры Смирновых, а когда никто не ответил, телефон загородного дома. Трубку никто не взял и там.

Я посмотрел на Обручеву и сказал:

– Поехали, может, нам ещё удастся с ней поговорить.

Женщина снова отрицательно помотала головой. На её бледном осунувшемся лице живыми оставались лишь глаза.

– Ну, как знаешь, – сказал я.

В прихожей стоял полумрак. Я нащупал дверную ручку и крикнул:

– Запри двери, подружка может о тебе ещё вспомнить!

Ответом было молчание. По-видимому, у девочки наступил период раскаяния. Пока это чувство не перегорит, взывать к разуму было бесполезно. Я закрыл двери и, зачем-то повторяя про себя детскую считалку, спустился к машине.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На свежем ночном воздухе меня передёрнуло. Я запустил двигатель и несколько минут просидел так, глядя в лобовое стекло. Как я ни пытался перетасовывать факты, на всех снимках Элла выходила вне конкуренции. У магазина я остановился и купил спиртного. Минут через десять улицы города с яркими огнями витрин и уличных фонарей сменились плохо освещёнными улочками пригорода. Встречных автомобилей заметно поубавилось, а пешеходы исчезли совсем. Но через некоторое время дорожные фонари замелькали чаще, а за шлагбаумом посёлка света стало столько, что хоть вечеринку устраивай.

Чтобы мой приезд не стал неожиданностью, я подъехал прямо к коттеджу. Открыл калитку и по выложенному фигурной плиткой тротуару прошёл к крыльцу. Тойота Эллы стояла в глубине двора под навесом. Из приоткрытого окна коттеджа доносилась мелодия «Harry Nation». Я миновал веранду с зеркальным остеклением и оказался в просторном зале под сводчатым потолком, где висели два стилизованных под старину портрета супругов Смирновых. И мужчина, и женщина смотрели на меня с улыбками. Муж и жена. Ха-Ха-Ха. Как бы не так! Два совершенно чужих человека!

Звучавшая в зале музыка оборвалась. Откуда-то слабый ветерок приносил едва различимый табачный – и не только табачный – запах. Ведущие в левое крыло дома двустворчатые двери были широко распахнуты. Я поправил давивший на рёбра пистолет и двинулся на запах. Обоняние привело меня в библиотеку. Кроме книжных шкафов в комнате стоял большой овальный стол и несколько кожаных кресел, в одном из которых находилась Элла, а в другом уткнувшийся лбом в столешницу Соколов. Судя по всему, сидел он так не по своей воле. Вокруг его головы маслянистым пятном растекалась бордовая лужица, а рядом с пепельницей и догорающей сигаретой лежал чёрный автоматический пистолет, очень похожий на тот, что находился в моей наплечной кобуре. В воздухе витал запах пороховой гари.

Встретившись со мной взглядом, Элла некоторое время смотрела мне в глаза, потом потянулась к сигарете и, переведя взгляд на Соколова, сиплым, непослушным голосом проговорила:

– Пришёл ко мне за Толиными деньгами. Думал, они у меня.

Ступая по ковру, я подошёл к Соколову и проверил пульс. Кожа оставалась ещё тёплой, но сердце уже не билось.

Элла поднялась и нетвёрдой походкой направилась к выходу:

– Пойду приму душ.

От неё даже на расстоянии разило спиртным. Сейчас душ не помешал бы и мне. Я достал носовой платок и, приподняв пистолет за спусковую скобу, принял. Запах пороховых газов спутать с какими-нибудь другими было бы трудно даже при полном отсутствии обоняния. Интересно, что она скажет, когда вернётся? Нагнувшись, я заглянул под стол и, как оказалось, не зря: на ковре валялся ещё один пистолет.

Я присел в кресло и попытался подумать. Если Элла обвинит Соколова в убийстве мужа официально и выдвинет версию, что сегодняшнее убийство было с её стороны непреднамеренным, то шансы выйти сухой из воды у неё могут быть почти стопроцентными. Никаких улик против неё нет. Что же касается милиции, то той гораздо проще будет повесить всё на Соколова, чем пытаться докопаться до истины. Пожалуй, кроме меня, эта «дама», по-настоящему, уже давно была никому не нужна, даже самой себе. Прежде чем вызывать представителей власти я решил, что было бы неплохо услышать эту истину и от неё самой. Я посидел ещё минут пять, и решил это событие ускорить.

Ванная располагалась между спальнями. За стеклянной дверью шумела вода.

Я постучал по стеклу и, поинтересовался:

– Ты там надолго? – реакции не последовало. Если она хорошо наклюкалась, то могла и заснуть. Я постучал громче. – Заканчивай, мне надо с тобой поговорить.

По-прежнему ни звука. Я протянул руку к выключателю и поиграл светом. Никакого эффекта. Я приник к стеклу и прокричал:

– Ты меня слышишь?!

Элла по-прежнему не отвечала. Такой душ меня не устраивал. Я потряс дверь за ручку:

– Ты что, хочешь, чтобы я разнёс эту халабуду вдребезги пополам?! – ни звука.

Когда я, наконец, вышиб стекло и открыл дверь, всё было кончено. Она знала, что делала. Красный шёлковый шнурок не оставлял ей никаких шансов: лиловая кожа, вывалившийся язык, в густых чёрных волосах дурацкий белый бант.

Я даже не стал входить в ванную. Закрыв дверь, я вернулся в зал и набрал ноль два.

Милицию я ждал, сидя в машине. Во всей этой истории мне было непонятно только одно: почему она не выстрелила в меня? Ведь ей никто бы не помешал этого сделать, даже собственная совесть.

Портачи

Утро застало Плахова в кабинете за чтением почты. Через распахнутое окно с улицы доносился шум проезжающих по бульвару автомобилей. Время от времени шевеля шторы, по кабинету пробегал свежий ветерок. Работалось легко и быстро. В восемь ноль-ноль, сделав необходимые пометки, Плахов смахнул все лишние бумаги в мусорную корзину и поднял трубку внутренней связи. Дела фирмы шли неплохо. Чистая прибыль за последний месяц составила кругленькую сумму в тридцать миллионов рублей. Хотя не прошло и года, когда фонтан злата-серебра едва превышал по мощности Бахчисарайский.

Плотно прикрыв за собой двери, секретарша в сером фирменном костюме поставила перед ним чашку дымящегося кофе. С улыбкой на свежем лице, короткой, открывающей уши и шею стрижкой, она казалась прекрасным дополнением к сиявшему за окном утру. Если у секретарши и были недостатки, так это красота, от которой нет-нет, да и столбенели клиенты. Но то, чего он опасался, когда принимал её на работу, не произошло: красота мешала выполнять ей служебные обязанности не больше, чем короткая юбка – передвигаться по офису.

Опустившись напротив Плахова в кресло, секретарша быстро просмотрела составленный им на день перечень дел и, ткнув остро отточенным карандашом в пункт номер три, огорчённо наклонила головку к плечу:

– К сожалению, материал по новой автоматизированной линии я смогу подготовить лишь часам к десяти-двенадцати завтрашнего дня, – на её лице застыло выжидательное выражение.

– Такой срок меня вполне устраивает, но устроит ли он Энгельгардта? – помешивая кофе, обронил Плахов.

– Думаю, что я смогу его убедить, – твёрдо произнесла она.

Плахов улыбнулся:

– Боюсь, что для этого вам вначале потребуется стать Энгельгардтом.

Она слегка нахмурилась:

– На меня он не произвёл впечатления непробиваемого, хотя из тех предпринимателей, с которыми я успела познакомиться, наибольшей хваткой, бесспорно, обладает он.

– Ну что ж, – помолчав, сказал Плахов, – мне нравится ваша уверенность, и если она победит, то буду этому только рад.

Она поднялась:

– С вами хочет встретиться некий Косарев Дмитрий Дмитриевич.

Ни фамилия, ни имя ни о чём Плахову не говорили.

– Что-нибудь срочное?

– Он отказался со мной обсуждать цель визита.

– В таком случае я думаю, нам не стоит отступать от наших правил.

– Он очень настаивает.

– Что он из себя представляет?

– Что-то среднее между клерком и торговцем апельсинами. В глаза не смотрит, но от своего вряд ли отступится.

– Хорошо, – сказал он, – думаю, что несколько минут я смогу ему уделить.

Путь от двери до кресла господин Косарев осилил довольно лихо, но после энергичного рукопожатия как-то вдруг быстро и неприлично загрузил и, склонив голову набок, со скорбным видом, словно отец на блудного сына, уставился на подтянутого и хорошо отдохнувшего за ночь Плахова.

– Ну а если повеселее, – не очень-то вежливо прервал затянувшуюся паузу Плахов. – Или похороны уже начались?

Интеллигентное лицо Косарева оживилось:

– Однако, вы гораздо интереснее, чем о вас рассказывают, – высоким, жеманным голосом произнёс он.

«О господи, – мысленно охнул Плахов, – этого ещё не хватало!» Но на всякий случай всё же поинтересовался:

– Понадобились денежки на благие дела?

Скорби в глазах господина Косарева заметно поубавилось. Откинувшись на спинку кресла, он добродушно хрюкнул:

– Признаюсь, отправляясь на встречу с вами, я на такое взаимопонимание и не рассчитывал.

– И правильно делали, – сказал Плахов. – Я успею вам разонравиться ещё до того, как закончится наша беседа.

На этот раз Косарев хрюкнул чуть сдержаннее:

– Полагаю, что мы всё же полюбим друг друга, – с неприятным смешком отозвался он. – Такой, как вы, и такой, как я, просто созданы друг для друга.

– И во сколько же эта любовь мне обойдётся? – спросил Плахов, уже начиная понимать, к чему клонит клиент.

– В триста тысяч, – всё ещё борясь со смехом, сообщил Косарев.

– В год?

– В месяц.

Теперь наступила очередь смеяться Плахова:

– Иными словами, вы предлагаете мне работать бесплатно?

– Ну что вы, – интеллигентно возразил Косарев, – работать на дядю, кто ж на это согласится? Исключительно личная заинтересованность.

– А где же тогда я возьму ту сумму, о которой идёт речь?

– Там же, где и всегда: из прибыли.

– А прибыль?

– Наверное, так и должен держаться настоящий предприниматель, – одобрительно заметил Косарев. – Скромно и с лёгким налётом наивности. Но, к сожалению, мы знаем о финансовом положении вашей фирмы всё с точностью до копейки.

«Интересно, кто сдал, банковские, налоговая или свои?» – подумал Плахов.

– И потом, не на ветер же вы их выбрасываете? То, что останется, тоже ведь надо будет кому-то охранять.

– Мысль новая, как развалины Колизея, – без энтузиазма отозвался Плахов.

В весёлых глазах Косарева зажглись недобрые огоньки:

– Но зато насколько актуальная, верно, ведь?

– И когда вы рассчитываете эти тысячи получить?

Впервые за время разговора лицо Косарева стало серьёзным:

– Сейчас, после обеда будет уже дороже.

– А где гарантия, что меня не берут на понт?

– У меня за пазухой.

– Кто там чего только сегодня не носит, – буркнул Плахов.

Косарев с видом недовольного папаша («ох уж эти мне детишки») сунул руку под полу пиджака и неторопливо продемонстрировал Плахову внушительно размера пистолет:

– Думаю, на понт эта игрушка не очень-то похожа, а?

– Выглядит как настоящий, – согласился Плахов.

– Ну так, может, тогда по рукам? – почему-то понизив вдруг голос, предложил Косарев. Какое-то время они молча созерцали друг друга. Первым не выдержал Косарев.

– Только без глупостей, – предупредил он. – С сегодняшнего дня твой малец гостит на одном из моих ранчо. И скажу тебе без дипломатических изысков: если мы не договоримся, то шансов увидеть любимого папашку у него будет немного.

Плахов не проронил ни слова. Косарев несколько мгновений наблюдал за ним, потом убрал пистолет со стола и сказал:

– Может, ты поверил, а может, и нет, но запомни: твой сын окажется там и тогда, где и когда захочу я, – он провёл ладонью по трёхдневной щетине и, усмехнувшись, добавил: – Надеюсь, теперь наша будущая любовь уже не кажется тебе противоестественной?

Вопрос был из тех, на которые принято отвечать утвердительно. Плахов вымученно улыбнулся:

– Теперь мы с тобой не разлей вода, – охрипшим голосом подтвердил он, – кореша до гроба.

Косарев останавливающе поднял руку:

– Чтобы поверить в твои добрые намерения, мне будет достаточно первого взноса.

– Какой разговор, – Плахов достал из стола связку ключей и перебрал шантажисту.

Звякнув, словно горсть серебрянников, та застыла на краю стола. Секунду или две Косарев молча соображал, что ему с ней делать. Этого времени Плахову оказалось достаточно. Кажется, Косарев так и не понял, что с ним произошло. Мгновение, и мощный электрический разряд, едва не сбросив с кресла, превратил его в жалкую, дёргающуюся в конвульсиях куклу. Система сработала безупречно.

Плахов вышел из-за стола и, подобрав упавший на пол вальтер, перетащил тело шантажиста в комнату отдыха. К перемене места объект отнёсся с полным равнодушием. Плахов послушал у него пульс, надел наручники и, подождав, когда тот придёт в себя, заклеил скотчем рот. После чего проверил в обойме наличие патронов и вернулся в кабинет. Поинтересовавшись по внутренней связи, есть ли горячий кофе, попросил принести две чашки и, положив на колени Вальтер, устался на входную дверь. Через некоторое время, должно быть от напряжения, его правая нога начала трястись. Он устроился поудобнее и постарался расслабиться. За этим приятным занятием его и застала секретарша. Он подождал, когда она поставит кофе на стол, и спросил:

– В приёмной кто-нибудь ещё есть?

В глазах женщины мелькнуло удивление. Машинально поправив волосы, она ответила:

– Трое. Один пришёл вместе с Косаревым, а двое других – наши постоянные клиенты.

– Меня интересует тот, что притопал с Косаревым, – сказал Плахов.

– Что-то случилось? – спросила секретарша.

– И да, и нет, – уклонился от прямого ответа Плахов. – Что этот тип из себя представляет?

– Ничего особенного. Посетитель, каких тысячи. На вид лет двадцать пять. Физиономия неприятная, но сидит смирно.

– Значит так, – глядя на секретаршу, сказал Плахов, – наших постоянных клиентов вы сейчас, извинившись, отправите погулять, а смиренного пришлёте ко мне. И, по возможности, держитесь от него подальше. Но вначале проводите гостей и закройте входную дверь.

Плотно сжав губы, секретарша смотрела на Плахова так, словно на её глазах милый, розовый поросёнок вдруг превратился в ужасного, гнусного ежа с патологическими наклонностями.

– Ну-ну, не так уж всё и плохо, – успокаивающе произнёс он. – Обыкновенный киднеппинг. Просто эта парочка выкрала у меня сына и теперь пытается получить выкуп. Дальше попытки дело у них пока не пошло, и если вы всё сделаете так, как я вам сказал, то у нас есть все шансы, что и не пойдёт. Вы любите детективы? Ну так вот представьте, что вас уже снимают, и вам ни в коем случае нельзя сфальшивить.

– Вас действительно шантажируют? – спросила она так, будто Плахов всё это время разговаривал с её двойником.

– Какого чёрта? – чуть резче, чем следовало бы, спросил он. – Я что, похож на человека, который может подобным образом шутить?

– Простите, Владимир Викторович! – она поднялась. – Последний раз меня шантажировали в школе. Так что – сами понимаете.

– Чего уж тут не понять, – буркнул он. – Вы всё запомнили, что я сказал?

– Обижаете, Владимир Викторович!

– Вас обидишь, – сказал Плахов. – У парня не должно быть и тени сомнения в успехе сообщника.

– Да, но я-то ничего об этом не знаю.

– А вам и не надо ничего знать.

– Разрешите выполнять?

– Бог в помощь, Маргарита Евгеньевна.

– Пора бы нам с вами на такой случай обзавестись и чем-нибудь посущественнее.

– На день рождения приготовьте себе ещё один сейф, я подарю вам штурмовой калашников.

На мгновение остановившись в дверях, она по-солдатски одёрнула жакет и вышла из кабинета.

Плахов наполнил из сифона стакан и залпом выпил. Минуту или две ничего не происходило, затем входная дверь распахнулась и в кабинет, сопровождая невысокого плотного мужчину, вошла секретарша и, остановившись у дверей, объявила:

– Иванцов Павел Петрович.

Сломанный нос и несколько шрамов на лице Иванцова говорили, что в жизни ему уже приходилось сталкиваться с проблемами. То, что в кабинете его встретил только хозяин, ему сразу не понравилось. Он схватил секретаршу за запястье и угрожающе уставился на Плахова:

– Давай-ка без шуток, начальник!

– Так я их ещё и не начинал, – сказал, поднимаясь, Плахов. – Двери закрыла? – спросил он у секретарши.

Проглотив подкативший к горлу комок, та молча кивнула.

Иванцов одной рукой прижал секретаршу к себе, а другой выхватил нож:

– Ещё шаг, и я её прикончу!

– Кончай, – спокойно разрешил Плахов, – я завтра себе другую куплю. – В трёх шагах от Иванцова остановился, поднял пистолет и, целясь ему в лоб, добавил: – Но если включишь мозги, то, может, ещё подышишь.

Сцепив челюсти, Иванцов молча сверлил его взглядом. Лицо секретарши побелело.

– Считаю до трёх! – сказал Плахов. – Раз, два...

Третьего раза не понадобилось. Иванцов опустил нож и оттолкнул женщину в сторону.

– Нож на пол! – скомандовал Плахов.

Иванцов присел и нехотя выполнил команду. Плахов внимательным взглядом ощупал его фигуру:

– А теперь мордой к стене!

Упёршись лбом в стену, Иванцов поднял руки. О гранате, которая лежала в левом кармане пиджака, он, по-видимому, забыл. Плахов положил Ф-1 на кофейное блюдце и разрешил Иванцову сесть в кресло. Откинувшись на спинку, тот закурил и, выпустив к потолку плотную струю дыма, нагло поинтересовался:

– Надеешься договориться?

– Если всё сделаете тип-топ, – сказал Плахов, – сдам ментам. А если начнёте упрямитесь, то тут уж как господь распорядится. А он у нас, как ты знаешь, по временам бывает удивительно непредсказуемым.

Иванцов добродушно осклабился:

– Ты думаешь, Мама не знает, в какую песочницу мы пошли играть?

– К вечеру Мама проклянёт и себя, и тот день, когда надоумила вас сюда сунуться.

– Круто. Только мы ведь и покруче видели.

– Ну, тогда у тебя должно хватить ума не делать больно хотя бы себе.

Иванцов привстал и сплюнул в пепельницу:

– С Косым всё в порядке?

– С завтрашнего дня сможет сдавать нормы ГТО, – сказал Плахов.

Иванцов закинул ногу на ногу:

– Пока его не увижу, базара не будет.

– Уж не запугиваешь ли ты меня? – покосился на него Плахов.

Иванцов вызывающе ухмыльнулся:

– Пока предупреждаю.

О том, что Плахов тоже мог быть знаком с основами кулачного боя он, видимо, не допускал и мысли. Плахов так хватил Иванцова по виску, что того минут пять пришлось приводить в чувство. Шантажисты сами того не сознавая, играли с огнём.

– Где малыш – сам скажешь, или пригласим паяльник? – спросил Плахов, усадив Иванцова в кресло.

Глянув на него запавшими глазами, Иванцов с трудом разлепил губы:

– На даче Давида.

Желания выпендриваться у него больше не было.

– Адрес помнишь?

– Могу показать.

– Машина с водилой?

– Нет.

Плахов выволок из комнаты отдыха Косарева и, сковав одним браслетом с Иванцовым, вывел на улицу. Кореша настолько верили в успех, что поставили свою «Тойоту» прямо у дверей офиса. А чего? Взял бабки и газуй в своё удовольствие.

Дорога заняла полчаса. Со слов Иванцова Давид жил на даче один имел пару гранат и чешский «Скорпион». Против вальтера такой арсенал являлся неплохим аргументом.

Дача выглядела необитаемой. Ни на прилегающей к ней дороге, ни на соседских участках не было видно ни души. Плахов расстегнул на запястьях шантажистов браслеты и, объяснив, что с ними будет, если они начнут вести себя неправильно, выпустил из машины.

Иванцов нажал на звонок и, распахнув ногой калитку, по бетонной дорожке направился к одноэтажному деревянному дому с зашторенными окнами. Следом за ним двинулся Косарев. Остановившись у крыльца, Иванцов постучал кулаком по перилам и приказал Косареву встать у стены. Сжимая в одной руке пакет с вальтером, а в другой – гранату, Плахов замер у них спинами.

Вначале в доме стояла тишина, но спустя какое-то время послышались шаги, и на пороге появился невысокий тощий мужик с густой чёрной щетиной и пистолетом-пулемётом в руках. Если это и был Давид, то явно не в лучшем своём исполнении. Потому что в следующую секунду он споткнулся и, потеряв равновесие, нажал на спусковой крючок «Скорпиона». Судя по всему, это явилось неожиданностью не только для него. Пистолет-пулемёт работал не умолкая.

Инстинктивно присев, Плахов вскинул пакет с пистолетом и, выпуская пулю за пулей, разрядил в Давида обойму. Когда пистолет-пулемёт умолк, из четырёх участников в живых

остались лишь двое. Сжимая в одной руке гранату, а в другой – пистолет, Плахов медленно выпрямился. Прямо перед ним, уткнувшись лицами в бетон, лежали обмякшие тела Давида и Иванцова. Ни улица, ни соседи никаких признаков жизни по-прежнему не подавали. Плахов обогнул обхватившего руками живот Косарева и, стараясь не запачкаться в крови, поднялся на крыльцо. Из дома не доносилось ни звука. Держа пистолет на изготовку, он вошёл в дом и громко позвал:

– Андрюша, сынок?!

Пропавший брагой, картошкой и старыми вещами дом отозвался звенящей тишиной. Заглядывая во все места, куда можно заглянуть, он прошёлся по дому. Никаких следов. Через пять минут совершенно случайно Плахов обнаружил сына в кладовке за кучей тряпья. Руки мальчика были связаны, а рот залеплен скотчем. Повиснув на шее отца, тот некоторое время всхлипывал, пока, наконец, не поверил, что всё позади. Поглаживая сына по спине, Плахов вынес его из дома и усадил в машину.

– Не волнуйся, больше они тебе не доставят неприятностей. С мамой поговорить хочешь?

Сын молча кивнул.

– Только не рассказывай ей, что тут произошло. Просто скажи, что у меня выдалась свободная минутка, и мы решили с тобой немного проветриться.

Подождав, когда сын сообщит матери, как они сегодня удачно проводят время, Плахов позвонил секретарше.

– Ну наконец-то, – облегчённо вздохнула она. – Я здесь одна уже совсем извелась. Мальчик с вами?

– Со мной, – сказал Плахов. – Но мне придётся немного задержаться. Надо увидеться с представителями закона. Кстати, с вами они, вероятно, тоже захотят пообщаться. Говорите всё как было, нам нечего скрывать.

– Вы сегодня ещё появитесь?

– Нет, – сказал Плахов, – закрывайте офис и отправляйтесь домой. Фирма предоставляет вам три дня выходных.

– А как же Энгельгардт?

– Пока это проблема Энгельгардта. Но думаю, что если меня не посадят, то мы с ним всё же подружимся.

Он отключил телефон и подумал, что электромагнитные волны вещь, конечно, хорошая, но надо будет придумать что-то более отвечающее духу времени.

Мы так не договаривались

Кутасов вошёл в квартиру следом за женщиной и плотно прикрыл дверь. Несмотря на небольшие размеры, её маленькая, чем-то похожая на корабельную каюту прихожая выглядела уютной. На секунду его взгляд задержался на отразившейся в зеркале картине Брейгеля «Охотники на снегу». Когда-то, когда он ещё числился учеником начальных классов, полотно поразило его своей атмосферой. Сейчас же детское воспоминание вызывало лишь щемящее чувство. Может потому, что он всегда завидовал людям, которые могли после себя что-то оставить?

– Раздевайтесь, – сказала женщина. – Уж здесь-то нам точно никто не помешает.

Для представительницы древнейшей профессии она выглядела чуть лучше, чем следовало бы: короткая беличья шубка, круглая вязаная шапочка, лосины, табачного цвета полусапожки, лицо свежее, цветущее, на полных, чуть тронутых помадой губах, улыбка. Не женщина, а мечта сутенёра. Почему с такой внешностью ей приходилось искать клиентов на улице, было, в общем-то, непонятно.

Кутасов остановился рядом с женщиной и расстегнул куртку. В отличие от женщины отразившийся в амальгаме тип с бледными, костистыми скулами, плотно сжатыми губами и серыми, холодными глазами большого желания общаться не вызывал. Не лицо, а предупреждающий плакат: «Не влезай, убьёт!»

Ощущая тонкий запах духов, Кутасов бережно отодвинул женщину в сторону и, зажигая свет, молча прошёлся по комнатам. Квартирка была малогабаритная, но на место, где занимаются только любовью, не походила. Вероятно, её хозяйка недавно пришла в этот бизнес. С минуту он постоял у кухонного окна, наблюдая за ночным двором, потом задернул шторы и вернулся в прихожую.

Женщина стояла там, где он её и оставил. В белом с фиолетовыми полосами свитере она казалась ещё привлекательнее. При взгляде на неё становилось ясно, что в борьбе за нравственность господь потерпел неудачу ещё на старте: имея такую внешность, женщина просто не могла не пользоваться спросом.

Наблюдая за ним через зеркало, она заколола шпилькой волосы и с улыбкой поинтересовалась:

– Ищите конкурентов?

– Обычное любопытство, – сказал Кутасов. – Хотелось узнать о вас побольше.

– Ну, и как, узнали?

Мужчина сунул руки в карманы:

– Если вы подумали, что я решил вас обнести, то можете расслабиться: у меня сегодня выходной.

Женщина бросила на него иронический взгляд:

– Жаль, некоторые из вещей я бы с удовольствием сложила в вашу перемётную сумму сама, – она взбила причёску и добавила. – Пойду переоденусь.

Её каблучки дробно простучали по паркету. Кутасов усмехнулся: даже на работе женщины ведут себя так, словно они дома. Он подошёл к шкафу-купе и с удовлетворением отметил, что на плечиках нет ни одной мужской вещи. Флирт с замужними женщинами он не переносил на дух. Кутасов аккуратно повесил свою куртку рядом с беличьей шубкой и прошёл в гостиную. В последние полтора года он переменял столько квартир, что почти перестал обращать внимание на обстановку. Теперь жильё интересовало его только как место, где, не особенно заботясь о воде, тепле, канализации и электричестве, он ещё какое-то время мог рассчитывать на удачу.

Женщина вошла в гостиную, держа в каждой руке по рюмке-неваляшке. Вместо обтягивающего свитера и лосин на ней было зелёное платье на бретельках с длинным, от бедра до щиколоток, разрезом.

– Снимайте-ка ваш пиджак и давайте немного согреемся, – не сводя с него глаз, предложила она.

В чёрном кожаном пиджаке, синей водолазке и такого же цвета джинсах Кутасов почему-то вдруг почувствовал себя неловко.

Женщина понимающе улыбнулась:

– Ладно, бог с ним, пиджаком, держите, – она протянула ему рюмку. – Предлагаю выпить на брудершафт, если вы, конечно, не возражаете?

Он не возражал. Их руки скрестились. По цвету и запаху жидкость походила на ром.

– Ну вот и отлично, – выдохнула она после поцелуя.

– Когда-то это занятие мне тоже доставляло удовольствие, – сипло откликнулся он.

– Ну почему же «доставляло»: надеюсь, что ещё доставит – и не раз, – женщина включила музыку и взяла его под руку. – Может теперь, когда мы перешли на «ты», попробуем снять пиджак вместе?

– Настаиваешь?

Женщина обезоруживающе улыбнулась:

– Открою тебе секрет. Мне уже приходилось видеть в жизни пистолеты. Думаю, если увижу ещё один, мир не перевернётся.

Женщина оказалась гораздо наблюдательнее, чем он ожидал.

– — Всё зависит от точки зрения, – сказал он. – Бывает, что переворачивается, да ещё как.

Женщина покачала головой:

– Ты меня не понял. Я же не спрашиваю, откуда он у тебя. Я даже не спрашиваю, кто ты. Единственное, чего я хочу: чтобы ты, наконец, расслабился.

– А ты думаешь, я скован?

Женщина осторожно высвободила свою руку:

– Не то слово, – связан по рукам и ногам.

– Грустное, должно быть, зрелище.

– Не грустнее, чем смерть, – не согласилась она. – Всё остальное, слава богу, лечится.

Напоминание о смерти неприятно поразило его. Видимо, он всё-таки зря согласился пойти к ней. Впрочем, в его положении люди иногда шли и на более странные ухищрения. Он снял пиджак и, накинув на спинку стула, потянулся к женщине. Отстранившись, та кивнула на торчавший у него из подмышки пистолет.

– А это?

Кутасов усмехнулся:

– Хочешь разобрать меня до винтика?

– Ну, без пиджака же ты остался. Или ты собираешься положить его между нами, как меч?

– Как меч? Над этим, пожалуй, стоит подумать.

– Только недолго, – сказала женщина. – У нас сегодня есть занятия и поинтереснее.

– Уж не по древнеиндийским ли практикам? – попробовал сыронизировать он.

– А тебя бы больше устроили цыгане с шампанским?

– С тобой, – сказал он, – я готов выслушать даже лекцию «О непорочном зачатии».

Женщина улыбнулась:

– Это признание в любви?

– Это признание в том, что ты мне чем-то симпатична.

– А когда перестану, выставишь на лоджию?

– Так далеко я не заглядывал.

– А зря, – женщина вывела его на середину гостиной и предложила: – Станцуем?
В её лице не было и намёка, что ей известно о его бывшей профессии.

Кутасов сунул руки в карманы и наблюдая за женщиной, исполнил несколько шуточных профессиональных па. Женщина легко повторила. Он усложнил движения. Женщина не отставала. Когда он остановился, она искренне, по-детски, зааплодировала:

– Бог мой, да ты прекрасно танцуешь! – её глаза сияли.
– Танцевал. А вот у тебя действительно хорошо получается. Училась?
– В студии балльных танцев.
– Где-нибудь танцуешь?

Женщина отвела взгляд:

– По вечерам... с незнакомыми мужчинами, – она подошла к музыкальному центру и переключила кассету.

Танго «Ла Кумпарсита» он угадал с первой ноты., Женщина прибавила звук и, подойдя к нему обняла за шею. Танец явно доставлял ей удовольствие. Когда на последнем такте она откинулась на заранее подставленную им руку, он вдруг понял, что ему уже ничего не поможет: ни любовь, ни танцы. Он поблагодарил женщину и тяжело опустился на диван. Единственный источник света – торшер под жёлтым абажуром – едва освещал расставленные на столике закуски. По-видимому, продолжая мысленно танцевать, женщина наполнила рюмки и хозяйски устроилась у Кутасова на коленях:

– Я думаю, что у тебя опасная работа, возможно, даже очень опасная. Но сегодня я бы хотела, чтобы ты о ней забыл. В конце концов, с тобой женщина, и смею надеяться, не самая худшая, – она приглашающе приподняла рюмку.

На этот раз он всё же успел почувствовать вкус рома. Приятная гадость.

Отставив рюмку, женщина обняла Кутасова за шею и поцеловала длинным профессиональным поцелуем. Момент был подходящим. Похоже, такого же мнения придерживалась и женщина. Закрыв глаза, она откинулась на его руку и, улыбаясь, замерла в ожидании. На её щеке упруго пульсировала голубая жилка. Так и не дождавшись нужной реакции, она осторожно отстранилась и, покосившись на его застывшее лицо, поинтересовалась:

– Проблемы?

Он отрицательно помотал головой. То, что началось двадцать семь лет назад и художественно продолжалось до сегодняшнего дня, проблемами можно было назвать лишь условно. Беда в том, что он и дня не жил своей жизнью и даже не представлял себе, что это такое. И сегодня этот чужой двадцатисемилетний марафон достал его окончательно.

– От тебя можно позвонить? – внезапно осипшим голосом поинтересовался он.
– Хочешь заказать ещё одну девушку? – попробовала пошутить она.
– Хочу услышать голоса старых друзей, – сказал он.

Женщина принесла телефонную трубку и села рядом. Кутасов набрал номер.

Резкий мужской голос произнёс:

– Слушаю?
– Узнаёшь? – спросил Кутасов.
– Думаешь, это трудно?
– Прошло полтора года, мало ли.
– Что, надоело бегать?
– Надо потолковать.

Какое-то время в трубке не было слышно даже дыхания. Потом всё тот же голос хрипло произнёс:

– Диктуй координаты.

Кутасов спросил у женщины адрес и продиктовал.

– Жди. Минут через пятнадцать такая возможность у тебя появится.

В трубке зазвучали гудки отбоя.

– Сколько я тебе должен? – спросил Кутасов.

Женщина бросила на него обеспокоенный взгляд:

– Что-то не так?

Он успокаивающе погладил её по плечу:

– Даже лучше, чем я думал, – успокоил он. – Наконец-то у друзей нашлось для меня время.

Женщина натянуто улыбнулась:

– Надеюсь, мне не придётся танцевать с ними «Ламбаду»?

– Не придётся, – Кутасов вытянул из кармана пухлый бумажник и протянул женщине. –

Без сдачи.

– И много их там? – поинтересовалась она.

– Десять тысяч.

– Рублей?

– Долларов.

Глаза женщины округлились.

– Сумасшедший миллионер?

– Если тебя это напрягает, то можешь считать остатками гонорара.

– Певец капиталистического строя?

– Скорее, анархии.

Женщина с таким чувством выдохнула из лёгких воздух, что её полные губы захлопали, словно простыни на ветру:

– И что я за эту сумму должна сделать?

– Станцевать для друзей «Хабанеру»

– Шутишь?

– Закрыться в гостиной и ждать, пока мы не закончим разговор.

– А если я против?

Кутасов сдержанно прочистил горло:

– На твоём месте я бы не стал на этом настаивать.

– Хочешь, чтобы я растеряла клиентов?

Мужчина невесело улыбнулся:

– В России ты можешь их растерять только в одном случае: если завтра решишься на операцию по смене пола, – он вышел из комнаты и плотно прикрыл за собой дверь.

В ванной было не повернуться. От комнат размером два на два метра его тошнило с детства. Он мельком глянул на своё отражение и присоединил к пистолету глушитель. Во рту пересохло. Он жадно припал к крану. На секунду он вспомнил о женщине. Нет, сейчас она была явно не тем, о чём следовало помнить.

В дверь позвонили.

Держа пистолет стволом вниз, Кутасов прошёл в прихожую. В гостиной вовсю гремела музыка. Встав у порога, он отомкнул замок и распахнул дверь. Стоявшему на лестничной площадке парню было лет восемнадцать-двадцать. Кутасов выстрелил ему в лоб и, шагнув за порог, успел пальнуть ещё раз. Ему дружно ответили. Кутасов упал. С верхнего этажа быстро сбежал мужчина и, направив на танцора пистолет, дважды нажал на курок. Несколько секунд – и в подъезде снова повисла тишина.

Услышав шум, женщина сунула бумажник Кутасова под диван, допила оставшийся в рюмке ром и, пригладив волосы, вышла в прихожую. Из дверного проёма несло пороховой гарью. По тому, как на лестничной площадке лежали тела двух мужчин, она сразу поняла, что ей снова «повезло». Она закрыла ладонями рот и на секунду застыла. «Так они не договарива-

лись». Она хотела выматериться, но не смогла. Этажом выше хлопнула дверь. Она метнулась к телефону и, лихорадочно тыча на кнопки, стала набирать номер дежурной части.

Слушай себя, раз

С реки, напоминая об общечеловеческих ценностях, ненавязчиво дул лёгкий ветерок. Я дал закрыться за собой дверям РУВД и с удовлетворением отметил, что за те несколько часов, которые я потратил на опрос участников драки, душный знойный полдень успел плавно перейти в тёплый летний вечер. Когда тебе двадцать восемь, ты здоров и тебе кажется, что весь мир существует лишь для того, чтобы ты не чувствовал себя одиноким, дефицит в общении с женщинами ощущается особенно остро.

Я достал мобильный и сообщил о своей проблеме Ирине.

– Позавчера ты уже обещал рождественскую сказку, – вяло откликнулась она.

Рождественской сказкой были два билета на спектакль столичных гастролёров, на который из-за напряжённой криминальной обстановки в районе мы так и не попали.

– Они об этом ещё пожалеют, – прометливо пообещал я, имея в виду своих подопечных.

– Отработать такое количество обязательств не удавалось даже Хоттабычу, – строгим голосом напомнила Ирина. – Ты заигрался, мент!

– Такое один раз случалось даже с Юлием Цезарем, – не стал отрицать я.

– В отличие от тебя, он не тратил личную жизнь на борьбу с криминалитетом!

– Памятуя о том, как он закончил, в этом не смог бы усомниться только наш суд, – сказал я.

– В таком случае я с ним полностью согласна.

По-видимому, сегодняшней вечер мне снова предстояло потратить на очередную реабилитацию.

– Через пятнадцать минут мы с Юлием попробуем доказать тебе обратное, – сладким голосом пообещал я. – Ожидайте, мой конь уже грызёт удила.

Я заехал в универсам и купил две бутылки красного, килограмм маринованной свинины, флакон гранатового соуса, несколько пучков зелени, пару помидоров, плитку шоколада и баллон брусничного морса. В-общем, обычный реквизит массовика-затейника – если, конечно, бутылку красного вовремя заменить бутылкой водки.

Я попытался вспомнить, когда последний раз мы с Ириной выбирались за город. Получилось, что давненько: на Пасху. Да, убедить общественность, что личная жизнь моей дамы переполнена увлекательными событиями, не смог бы даже такой виртуоз пропаганды, как Геббельс. В старости я, вероятно, об этом вспомню и даже попробую что-нибудь по этому поводу прошамкать. Вот только интересно, что?

Старый город утопал в зелени. Я проехал по тенистой улице до площади Пушкина и, свернув под полукруглую арку, оказался во дворе сталинского пятиэтажного дома с жёлтыми стенами и эркерами. Большую часть просторного двора занимала детская площадка. Я приткнул «десятку» за новеньким Фольксвагеном и, глянув на окна Ириной квартиры, прошёл к подъезду.

Стоило подняться на второй этаж, как в нос ударил знакомый кисловатый запах. Принюхиваясь, я вскарабкался этажом выше. Запах лишь усилился. На четвёртом этаже казалось, что порохом пропитаны даже стены. В подъезде явно стреляли – и причём недавно. Вот только в кого?

Я машинально сунул руку за пазуху. «Ага, поищи ещё в карманах». Без Макарушки было неуютно. Я глянул в межэтажный пролёт. Никого. Может, дом просто не знает, что делать с юными шутниками? Я решил не гадать и подняться этажом выше. Как оказалась, не зря.

На полу, разбросав руки, в луже крови лежала молодая женщина в зелёном деловом костюме. Судя по позе и развороченной груди, мёртвая. Рядом с коленкой – пухлая коричневая

сумочка и связка ключей. Вряд ли такое убийство являлось результатом школьной шалости. Чтобы определить, что женщина мертва, никаких докторов, в общем-то, уже не требовалось.

Я достал мобильник и, не спуская глаз с трупа, позвонил в отделение. Убийство явно было «горячим». Приди я чуть раньше, работы у убийцы могло бы существенно прибавиться. Я покосился на чердачный люк. Замок отсутствовал. Сделать несколько выстрелов и воспользоваться чердаком большого труда не составило бы даже дилетанту. Если кому-то из жильцов «посчастливилось» увидеть убийцу, то у меня мог появиться реальный шанс получить за его поимку хотя бы почётную грамоту.

Я подошёл к ближайшей двери и позвонил. На звонок никто не откликнулся. Признаться, меня такой приём не очень удивил. Как правило, труп не самый лучший повод для доверительного общения. Зато с квартирой напротив, мне повезло больше. Дверь открыл невысокий хмурый мужчина в вишнёвой футболке и серых шортах.

– Минут десять назад никаких подозрительных звуков в подъезде не слышали? – спросил я.

Мужчина отрицательно помотал головой:

– Я спал.

– А кто эта женщина, знаете? – спросил я, освобождая ему обзор.

Взгляд мужчины равнодушно скользнул по телу убитой:

– Соседка. Чагина Тамара Петровна.

Выдержка у мужчины явно зашкаливала:

– Замужем?

– Одинокая.

– Дети?

– Насколько я знаю, нет.

– Чем зарабатывает на жизнь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.